

12521К 7

П. КУПРИЯНОВСКИЙ

А. М. ГОРЬКИЙ
В ОБЩЕНИИ
С ИВАНОВЦАМИ

ОБЛГИЗ • 1950 • ИВАНОВО

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

П. КУПРИЯНОВСКИЙ

А. М. ГОРЬКИЙ
В ОБЩЕНИИ
С ИВАНОВЦАМИ

12521К.

Властью Ивановской
Библиотеке
с благодарностью за
помощь в работе
над архивом Кушников
П. Куприяновский
1950 г.

Ивановское областное
государственное издательство
1950

2010

54

ВВЕДЕНИЕ

Гениальный основоположник социалистического искусства А. М. Горький являет собой замечательный образец художника слова, прочно слитого в жизни и творчестве с интересами и нуждами родного народа. В истории литературы нет другого писателя, который бы столь многообразно был связан с литературным движением своего времени и с общественными процессами, совершавшимися в самых отдаленных уголках страны, как Горький. Анализируя присланные книги, стихи и рассказы или отвечая на письма, не имеющие прямого отношения к литературе, Горький писал в заполярную Игарку и в солнечный Самарканд, дальневосточному ученому и писателю К. Арсеньеву, автору известной книги «Дерсу-Узала», и тверским комсомольцам, иркутским пионерам и молодому в то время смоленскому поэту М. Исаковскому, только что выпустившему в свет свой первый сборник стихов «Провода в соломе» (1927 г.)

Взаимоотношения Горького с ивановцами — литераторами, художниками Палеха, рабочими, крестьянами, школьниками — лишь звено в цепи его огромной деятельности, в его многосторонней и поистине неохватной связи с жизнью и культурой своей Родины. Тем не менее, собранные воедино факты, материалы и документы по общению Горького с ивановцами необычайно ярко характеризуют его облик как внимательного и чуткого наставника начинающих писателей, как заботливого друга народных талантов, раскрепощенных Октябрем, как страстного борца за расцвет социалистической культуры в СССР.

Интерес Горького, великого пролетарского писателя-революционера, к Иванову и ивановцам не был случайным. Он объясняется тем, что в прошлом иваново-вознесенский пролетариат, наряду с пролетариатом Петербурга и Москвы, своей героической борьбой вписал не

одну блестящую страницу в историю революционного движения в России. Это неоднократно отмечали вожди большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин. О летней стачке иваново-вознесенских рабочих в 1905 году в сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)» говорится, что она показала «образец мужества, стойкости, выдержки, солидарности рабочего класса» и что созданный во время этой забастовки Совет уполномоченных «был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России».¹ В. И. Ленин высоко ценил заслуги иваново-вознесенских рабочих перед Родиной в годы гражданской войны. Он писал: «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах».² И в другом месте В. И. Ленин подчеркивал: «... Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции».³

Свои славные революционные традиции ивановцы приумножили на фронте социалистического строительства. За годы советской власти Иваново из заштатного города Шуйского уезда Владимирской губернии превратилось в крупный областной центр, в настоящий социалистический город с хорошо развитой промышленностью и передовой советской культурой. В городе появились вузы, техникумы, научно-исследовательские учреждения, театры, кино. Ничего этого не было в старом Иваново — городе «ситцевого царства», городе резких социальных контрастов. Не было в старом Иваново и каких-либо прочных литературных традиций. Только благодаря завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции в Иваново создавался довольно сильный и значительный отряд поэтов и писателей, которые внесли свой вклад в развитие советской литературы.

В бурном росте Иванова, как индустриального и культурного центра, Горький видел типичное явление нашей советской действительности. Он находил время внимательно следить за достижениями ивановцев в об-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1946, стр. 57.

² В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XXV, стр. 134.

³ Там же, стр. 156.

ласти социалистического и культурного строительства, помогать им советами и указаниями.

В работе по воспитанию и выращиванию молодых писательских кадров на благо родной советской культуры, в помощи замечательным художникам Палеха, во внимании к простым советским людям — строителям нового социалистического общества, в гордости их достижениями,— во всем этом проявился свойственный Горькому пламенный советский патриотизм.

І. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ГОРЬКОГО С ИВАНОВЦАМИ

История литературных связей Горького с ивановцами начинается еще до Великой Октябрьской социалистической революции.

До Октября Горький был знаменем передовой русской литературы. Возглавляя фронт борьбы против буржуазного декадентского искусства, он объединил вокруг себя демократически настроенных писателей и стремился направить их творчество по пути служения великим целям освободительного движения русского народа, в авангарде которого стоял пролетариат. Особенно дорог и близок Горький был писателям — выходцам из рабочих и крестьян и из демократических слоев интеллигенции. Они по праву видели в нем человека своей социальной среды и тянулись к нему за советом и помощью. Только за время с 1906 по 1910 г. Горьким было внимательно прочитано свыше 400 рукописей, авторами которых в большинстве были писатели из народа. Глубокий интерес к «писателям-самоучкам» Горький сохранил до конца своей жизни, о чем свидетельствует его письмо от 16 декабря 1929 г. к старому рабочему поэту-ивановцу Ивану Абрамовичу Назарову, в начале 1900-х годов примыкавшему к кружку пролетарских поэтов, во главе которого стояли Е. Нечаев и Ф. Шкулев. Горький в этом письме положительно отзывается о био-библиографическом словаре писателей-самоучек, над составлением которого работал И. А. Назаров. «Словарь ваш я считаю книгой полезной», — писал он автору.¹

¹ Письмо опубликовано в книге И. А. Назарова «За станком». Стихи и песни. Ивановское обл. гос. изд-во, 1939, стр. 5—6. Горький указывает в письме на целый ряд писателей — выходцев из народа, пропущенных И. А. Назаровым в словаре (Новиков-Прибой, Мария Ершова, Алена Новикова и др.). Далее он поправляет

В 1910-е годы, в эпоху нового подъема революционного рабочего движения, Горький активно сотрудничает в большевистской прессе и оказывает большую помощь писателям-самоучкам и особенно начинающим пролетарским писателям. Руководимые В. И. Лениным и И. В. Сталиным газеты «Звезда» и «Правда», ведя в эти годы огромную революционно-пропагандистскую работу, в то же время ставят своей задачей практически реализовать ленинский принцип партийности литературы: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела».¹ С первых же дней своего существования «Правда» поставила вопрос о выработке литераторов из среды рабочих. В редакционной статье «Рабочие писатели» «Правда» писала: «Будем же тщательно оберегать и дружеской рукой поощрять каждое рабочее дарование, каждый проблеск рабочего таланта. Начинайте, товарищи-рабочие, выработать из себя редакторов и рабочих журналистов, и рабочих художников литературы... Шире дорогу рабочему! Да здравствует рабочий писатель!»²

Собирание и воспитание пролетарских литературных кадров ведется большевистской партией при ближайшем участии Горького, который организует издание альманаха пролетарских писателей и, по предложению Ленина, становится руководителем литературного отдела марксистского журнала «Просвещение». «Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, — заявил Горький в 1914 г. в предисловии к первому «Сборнику пролетарских писателей». — Это убеждение выросло на почве долголетних наблюдений

автора: «Старостин-Маненков умер не в 79 г., а в 95 г., в Симбирске. Фофанова едва ли можно назвать самородком и самоучкой, да и вообще «самородок» понятие неясное... Следует указать, что Максим Леонов оставил сына Леонида, очень талантливого писателя, как вам известно. Не указан Яков Брюсов, отец Валерия, не указан приказчик Смирдина, кажется Буров, автор книжки стихов и очень хороших рассказов».

В библиографии о Горьком это письмо не зарегистрировано (см. книгу С. Балухатого «Литературная работа М. Горького». «Academia», М.-Л., 1936, а также книгу С. Балухатого и К. Муратовой «Литературная работа М. Горького. Дополнительный список». Изд-во Академии Наук СССР, М.-Л., 1941.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, том X, стр. 27.

² «Дюктябрьская «Правда» об искусстве и литературе», М., 1937, стр. 28.

моих за усилиями, которые сотни и сотни рабочих, ремесленников, крестьян упрямо тратят в попытках изложить на бумаге свои думы о жизни, свои наблюдения».¹

В первом «Сборнике пролетарских писателей» были представлены и ивановские ткачи в лице поэта-правдиста Михаила Дмитриевича Артамонова: Горький отобрал для напечатания в этом сборнике его стихотворение «Забастовка».

Вот как в письме к автору настоящих строк М. Д. Артамонов рассказывает об организации первого «Сборника пролетарских писателей»:

«Чуть не в каждом номере газет «Звезда», а позднее «Правда» печатались произведения рабочих (больше всего стихи). На них в начале 1914 г. обратил внимание М. Горький и задумал издать сборник из произведений рабочих. Редакция «Правды» предоставила М. Горькому вырезки из комплекта и рукописи, какие у нее имелись, для оценки и отбора. А вскоре, по желанию Горького, у него на квартире собрались рабочие-писатели. Были далеко не все, а очень небольшая группа из числа тех, кого считала нужным представить редакция».²

В 1917 г. под редакцией М. Горького выходит второй «Сборник пролетарских писателей», куда включаются три стихотворения Артамонова. Позднее, после Октябрьской революции, Артамонов переписывался с Горьким и получил от него два письма. Одно из них было связано с попыткой издать в 1919 г. сборник стихов Артамонова. Однако, по целому ряду причин, издание сборника состояться не могло.

Кроме Артамонова, в дореволюционные годы Горькому был хорошо известен ивановский поэт Дмитрий Николаевич Семеновский. Можно сказать, что как поэт Семеновский был воспитан именно Горьким. Его отеческая забота и внимание сыграли в жизни и литературной деятельности поэта опромную роль.

¹ «Сборник пролетарских писателей», I. С предисловием М. Горького. Изд. «Прибой», Спб, 1914, стр. 7.

² В качестве дополнения к рассказанному Артамоновым об организации первого «Сборника пролетарских писателей» следует заметить, что в целях привлечения авторов-рабочих в этот сборник «Правда» опубликовала специальное объявление, которое вызвало присылку к Горькому большого числа писем, рукописей, газетных вырезок.

В конце 1912 г. Семеновский, тогда 18-летний юноша, был исключен из владимирской семинарии за участие в забастовке семинаристов, устроенной в знак протеста против царившего там бурсацкого режима. Оказавшись в очень тяжелом положении, в мае 1913 г. через журнал «Просвещение» он обратился к Горькому за советом, как дальше ему жить. К письму он приложил стихи и попросил Горького сообщить о них свое мнение.

Прошло немного времени, и Семеновский получил сердечный, вселяющий бодрость и надежду ответ великого писателя: «Искра божья у вас, чуется, есть. Раздувайте ее в хороший огонь. Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — не мало... А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт-демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая...»¹

Буквально с первых же строк первого письма Горький советует начинающему поэту овладевать ценнейшим наследством классической русской литературы, особенно рекомендует учиться у основоположника русской реалистической поэзии Пушкина. «Не забывайте, что литература у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее»,² — напоминает он Семеновскому о славных традициях гражданственности в русской литературе и о том великом чувстве ответственности перед народом, которое было всегда присуще выдающимся русским писателям.

В литературных вкусах молодого Семеновского было много незрелого, неустоявшегося, не избежал он, по выражению Горького, и «скарлатины подражания» символистам и представителям других модернистских антинародных течений в поэзии начала XX века. В письмах к Семеновскому Горький предостерегает его от увлечения модными поэтами — «книжниками и спортсменами слова» и предлагает «выкинуть вон из головы всю современную бутафорию и театральщину, все эти «дали» и «Эдемы», «фиалы», дохлых «Прекрасных дам» и прочую дребедень».³ Он раскрывает перед ним реакционную сущность декадентства и направляет его творчест-

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи. Гос. изд-во Ивановской обл., 1938, стр. 5.

² Там же.

³ Там же, стр. 8.

во по ясной дороге гражданского служения искусством слова народу, поднявшемуся на борьбу против буржуазно-помещичьего строя.

«Никакой учебник литературы не мог дать того, что я находил в горьковских письмах», — вспоминает Семеновский.¹ И действительно, в письмах Горького к Семеновскому встречается большое количество мудрых советов и наставлений по вопросам литературы, высказанных просто, без тени назидательности. Он учил молодого поэта расширять круг чувств и настроений, наблюдать окружающую жизнь. Иногда он подсаживал темы. Советовал быть всегда естественным и глубоко самостоятельным в форме выражения мыслей и чувств. Указывал на необходимость изучать русский эпос, овладевать русским языком по народным песням. Из писем Горького Семеновский «впервые узнал о необходимости экономить словесные средства, об искусстве немногими словами выражать многое, о законах композиции».²

Вот лишь несколько отрывков из писем Горького Семеновскому 1913—1917 гг., которые могут дать яркое представление о характере советов, указаний и критических замечаний великого писателя молодому поэту. К этим советам и указаниям не лишне прислушиваться начинающим поэтам и в наши дни.

«Читайте почаще Пушкина, это — основоположник поэзии нашей и всем нам навсегда учитель. Тем, кто кричит, что Пушкин устарел — не верьте, — стареет форма, дух же поэзии Пушкина нетленен».

«Красота в простоте — это аксиома».

«Поле ли» — «пролили», «ветерком оне» — «гомоне» — это напрасно считается «изысканностью». Это более удобно для юмористической поэзии, это то же самое, что:

«Станция Куоккала
Сердце мне раскокала...»

Рядом с такой «виртуозностью» вы рифмуете «дымные — переливные». Не годится, сударь!»

«Примите добрый совет человека, желающего свободного развития дарованию вашему: всех слушайте, всех читайте, всему учитесь, но — берегите, но — ищите себя самого».

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи. Гос. изд-во Ивановской обл., 1938, стр. 10.

² Там же, стр. 12.

«Напишите прозой праздник в деревне, как вы его видите, и будни. Попробуйте!

Коротко, просто и так, как будто вы все это сердечно любимой вами девице пишете или рассказываете матери, которую тоже любите глубоко, страстно и бережно».

«...Учитесь, умеете смотреть в лицо всем и всему».

«Лирик вы. Это — хорошо. Но — иногда человек должен схватить сам себя за сердце, нет ли там, в сердце, кроме тихой грусти, — горькой усмешки, гневной искорки, иронического яда. Уж если вы выходите на люди — показывайте себя богаче, всего себя развертывайте...

Вот теперь, живя в деревне, вспомните город, сопоставьте его с деревней — может быть хорошо будет?».

«Надобно писать, «чтобы словам было тесно, мыслям» и чувству «просторно...»

И, как основная мысль, через все эти советы и указания Горького проходит требование к поэту быть голодом своего времени, своего народа, своей Родины: «Русь нуждается в бодрых песнях»; «литература у нас, на Руси, дело священное, дело величайшее».¹

Советы и указания Горького не могли не отразиться благоприятным образом на творчестве Семеновского. Это прежде всего сказалось на идейной устремленности его поэзии, развивавшейся в русле революционно-романтической поэзии пролетариата. До революции Семеновский печатается, зачастую при посредничестве Горького, в журнале «Просвещение», в газете «Правда», в рабочей печати и сборниках, издававшихся Горьким и революционно-демократическими писателями.

Интересна судьба его стихотворения «Безумцы», помещенного Горьким в ноябрьском номере «Просвещения» за 1913 год. За напечатание его на № 11 журнала властями был наложен штраф. В то же время это стихотворение было положительно оценено группой рабочих читателей в анкете, проведенной журналом.²

В годы первой мировой войны Горький привлек Семеновского к переводам стихов, предназначенных для сборников финляндской, армянской и литовской литературы. Все эти сборники были задуманы им в противовес

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи. Гос. изд-во Ивановской обл., 1938, стр. 10—14.

² См. сборник «Пролетарские поэты», т. II. Большая серия «Библиотеки поэта», «Советский писатель», 1936, стр. 275.

пропаганде шовинизма, поднятой буржуазной прессой.

Горький принял близкое участие не только в творческой деятельности Семеновского, но и оказал ему существенную помощь в жизни: выделил стипендию для обучения в народном университете Шанявского в Москве, поддерживал материально, присылал книги, приглашал к себе и т. д. Личные встречи Семеновского с Горьким, состоявшиеся в 1914—1915 гг., имели для формирования его как поэта огромное значение. Об этом он рассказал в своей книге «М. Горький. Письма и встречи».

**

После Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап в литературных отношениях Горького с ивановцами.

Революция создала условия для того, чтобы «втянуть» действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могли проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».¹

Как и во всей советской стране, после революции в бывшем заштатном городе Иваново-Вознесенске, а теперь центре большой губернии, начался невиданный культурный подъем. Уже в годы гражданской войны, несмотря на трудную обстановку тех лет, в Иванове много и плодотворно работает группа своих поэтов и писателей. «На ивановском Парнасе, — пишет Семеновский, — встретились деревенские парни, кухаркины дети, бывшие солдаты, старые и молодые рабочие. Собирались в нетопленной комнате, поэты грелись кипятком с сахарином, читали стихи. В стихах было немало сора, но попадались и крупницы золота. Продукция кружка шла в газету «Рабочий край»...»²

В конце 1918 г. со страниц «Рабочего края» ивановские поэты и писатели обратились к Горькому с письмом, в котором подняли вопрос о необходимости издавать в Советской России хороший литературно-художественный журнал. Это послужило началом отношений одного из отрядов нарождающейся советской литературы с ее родоначальником, организатором и учителем.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XXII, стр. 160.

² Д. М. Семеновский, цитированное изд., стр. 50.

Горький с большим интересом следит за деятельностью поэтов и писателей, объединившихся вокруг газеты «Рабочий край». Он интенсивно переписывается с Д. Семеновским, встречается с ним в Москве, получает от него информацию о литературной жизни в Иванове и произведения Артамонова, Жижина, Семина, Дмитриева, Барковой и др. 16 января 1919 г. Горький пишет Семеновскому из Петрограда:

«Зачинаю здесь журнал «Завтра»...

Очень прошу вас — пришлите стихов своих, Жижина и Семина. Стихи Жижина свидетельствуют о его таланте, Семин — жиже».¹

Содержание писем Горького Семеновскому нередко становилось известным кружку поэтов, а порой и читателям, так как газета, придавая большое значение слову великого пролетарского писателя, иногда обращалась к Семеновскому с просьбой опубликовать выдержки из писем Горького. Например, в № 1 за 1919 г. «Рабочий край» напечатал ту часть письма Горького Семеновскому от 23 декабря 1918 г., где он говорит о том, что налаживает издание сборников художественной литературы и что «надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть».

В № 118 за 1919 г. газета пространно изложила содержание письма Горького, в котором он выразил интерес к фольклорному материалу, опубликованному Семеновским в «Рабочем крае».

25 апреля 1919 г. «Рабочий край» напечатал статью Д. Семеновского «Революция и частушка». В частушках, собранных в Иваново-Вознесенской и Владимирской губерниях и опубликованных в этой статье, ярко отразились настроения и мечты широких народных масс, освобожденных Октябрем:

Пойте, братцы, веселее:
Мы с землей теперь и с волей,
И пришло нам послабенье —
Распроклятой нашей доле.
Нам звездой близкой светит
Коммунизма яркий месяц.
То не зоренька встает —

¹ Д. М. Семеновский, цитированное изд., стр. 51. Там же см. краткие сведения о поэтах Семине и Жижине.

Коммунизм к нам идет,
Коммунизм к нам идет —
Пляшет с радости народ,
Лучше зорьки, краше солнца
Жизнь хорошая идет.

В других частушках отражены расслоение деревни, классовая борьба между бедняками и кулаками, вопрос о женском равноправии и т. д.

Горький, всегда с особым вниманием относившийся к фольклору, как к голосу народа, узнав из письма Семеновского об этих частушках, проявляет к ним живейший интерес. «Пришлите №№ «Рабочего края», в которых напечатаны частушки»,¹ — просит он Семеновского.

Передавая содержание письма Горького Семеновскому, редакция газеты пишет: «Интересует Горького и новейшее народное творчество. Он хочет прочесть тот номер «Рабочего края», где напечатаны частушки о революции. Мы рады осуществить желание дорогого всей новой Руси писателя».²

Вскоре поэты кружка при «Рабочем крае» начали издавать альманахи и отдельные сборники своих стихов. Горькому были посланы коллективные сборники «Крылья свободы» (1919 г.) и «Красная улица» (1920 г.). Известны ему были также и некоторые книжки стихов ивановских поэтов. В 1919 г. он попросил ознакомиться с творчеством Семеновского одного из крупнейших русских поэтов начала XX века Александра Блока. Блок дал сочувственную рецензию на стихи Семеновского: «Много рассеяно в этих стихах признаков живого дарования, многое поется, — видно, что многое и рождается из напева, рифма зовет рифму, иногда — свою».³

Горький пытался издать стихи Семеновского в Петрограде книгой, но помешал этому бумажный кризис.

Во время одного из своих посещений Ленина Горький рассказал ему об активной деятельности иваново-вознесенских поэтов. После приема Горького Ленин передал библиотекарю Кремля записку следующего содержания:

«Прошу достать (комплект) «Рабочий край» в Ив.-Вознесенске. (Кружок настоящих пролетарских поэ-

¹ «Рабочий край», 1919, № 118.

² Там же.

³ А. Блок. Собр. соч., т. X, изд-во писателей в Ленинграде, 1935, стр. 343.

тов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский. 28—I—1921 г.»¹

В ноябре 1921 г., в связи с резким обострением туберкулезного процесса, Горький, по настоянию Ленина, уезжает лечиться за границу, сначала в Германию, потом в Италию. Но и за границей Горький не забывает писателей, работающих в Иваново, заботится о продвижении их произведений в печать, попережнему переписывается с Семеновским.

**
*

В 20—30-е годы творчество ряда писателей-ивановцев начинает выходить далеко за рамки областной литературы и приобретает известность во всей стране. Д. А. Фурманов (1891—1926 гг.), переехавший в Москву, создает свои знаменитые произведения «Чапаев» (1922 г.) и «Мятеж» (1925 г.), а также несколько книг очерков и рассказов. Е. Ф. Вихрев (1901—1935 гг.), Н. И. Колоколов (1896—1933 гг.), Д. Н. Семеновский, А. Н. Благов, М. Д. Шошин печатаются в столичных журналах.

В огромном и сложном «хозяйстве» создаваемой им советской литературы Горький умел ценить труд литераторов больших и малых, направлять их искания в нужное русло. Его интерес к советской литературе, к разрабатываемой ею тематике, к жизни и творчеству отдельных писателей отличался своей широтой и проникновенностью, его организаторская деятельность — инициативностью. Вполне естественно, что творческая работа большинства из писателей-ивановцев не прошла мимо внимания Горького. Он следил за творчеством Фурманова и Колоколова, Вихрева и Семеновского, Шошина привлек к активному сотрудничеству в журнале «Наши достижения», — все эти писатели своими успехами в той или иной мере обязаны Горькому.

Дмитрий Андреевич Фурманов состоял в переписке с Горьким, посылал ему свои произведения, получал от него советы и критические замечания. Сподвижник выдающегося революционера и полковнца М. В. Фрунзе, комиссар легендарной чапаевской дивизии, автор двух крупных произведений о гражданской войне, являющихся ценным вкладом в литературу социалистического

¹ «Ленин о литературе», сборник статей и отрывков, М., 1941, стр. 246.

реализма, — Фурманов не мог не заинтересовать Горького.

В публицистических выступлениях и письмах 20-х годов Горький неоднократно касался темы гражданской войны и указывал советским писателям на необходимость отражения этой «героической и трагической» эпохи в художественной литературе.¹ По словам Горького гражданская война, «отрезвляя народ от различных иллюзий, создавала и создала в нем новую психику».²

«Чапаев» и «Мятеж» Фурманова были одними из первых произведений в советской литературе, которые правдиво показали суровую действительность и героизм той эпохи. Процесс создания «новой психики» и отрезвления «от различных иллюзий», т. е. процесс массового социалистического перевоспитания крестьянства под руководством партии и рабочего класса, начатый уже в годы гражданской войны, является поэтической темой всемирно известного произведения Фурманова «Чапаев». В замечательном образе Чапаева писатель раскрыл черты подлинно народного героя, отважного, беспредельно преданного делу революции, тянущегося к сознательной, осмысленной и светлой жизни. В «Мятеже» Фурманов изобразил победу разума революции над разгулом контрреволюционной стихии, создал привлекательный образ стойкого и мужественного большевика — человека новой социалистической морали.

В книгах Фурманова «Чапаев» и «Мятеж» эпоха гражданской войны нашла реалистическое, исторически конкретное и партийное освещение. Поэтому вполне понятно, что Горький, не обходя художественных недостатков, имеющих в этих произведениях, подчеркивал их «историческое и идеологическое значение».³

Одним из немногих известных документов, раскрывающих связь писателей друг с другом, является письмо Фурманова Горькому от 9 сентября 1925 г., опубликованное в 1937 г. в июньском номере журнала «Октябрь». Письмо это примечательно в двух отношениях: во-пер-

¹ См. его письмо к С. Сергееву-Ценскому. «Октябрь», 1940, № 6—7, стр. 285.

² М. Горький. Публицистические статьи, Л., 1933, стр. 6.

³ «Октябрь», 1937, № 6, стр. 96 (письмо Фурманова к Горькому; в письме есть дословные выдержки из горьковского письма Фурманову).

вых, оно является прекрасным автокомментарием к «Чапаеву», во-вторых, Фурманов выступает в нем как писатель, критически пересматривающий свою работу под влиянием замечаний со стороны Горького.

Характер этого письма не позволяет нам узнать тех многих «бодрых строк», которые написал в своем письме Горький Фурманову. Однако несомненно одно: Горький высоко ценил талант Фурманова.

Преждевременную смерть Фурманова Горький рассматривал как большую потерю в советской литературе. Жене писателя Анне Никитичне Фурмановой Горький писал 23 апреля 1926 года:

«Для меня нет сомнения, что в лице Фурманова потерял человек, который быстро завоевал бы себе почетное место в нашей литературе. Он много видел, он хорошо чувствовал и у него был живой ум. Огорчила меня эта смерть».¹ Как вспоминает А. Н. Фурманова, «позднее, при встрече, Алексей Максимович много расспрашивал о Фурманове, обращал мое внимание на то, что каждая бумажка, каждый листочек из архива Фурманова представляют собой огромную историческую ценность».²

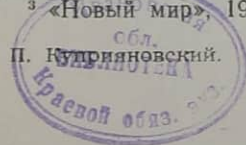
Неоднократно с положительными высказываниями выступал Горький по поводу романа Николая Ивановича Колоколова «Мед и кровь», вышедшего в 1928 г. в издательстве «Федерация». Колоколов переписывался с Горьким, встречался с ним; по рекомендации Горького роман «Мед и кровь» был переведен на итальянский и немецкий языки. В конце декабря 1928 г. Горький писал в одном из писем: «Но вот вы почитайте «Мед и кровь» Николая Колоколова... Этот ударил мещанина «по душе». Очень метко ударил».³ Антимещанскую направленность романа Колоколова Горький выделяет и в статье «О книгах» и в письме членам литературного кружка Покровской профессионально-технической школы.

Как известно, в период конца 20-х годов, в связи с развернутым наступлением на капиталистические элементы города и деревни, борьба с буржуазной идеологией приняла особенно актуальное значение. В советской ли-

¹ «Октябрь», 1937, № 6, стр. 96.

² А. Фурманова, Дмитрий Фурманов. Ивановское обл. гос. изд-во, 1941, стр. 110.

³ «Новый мир», 1937, № 6, стр. 19.

тературе появляется целый ряд произведений, направленных против «философии» обывательщины. Антимещанская тема, как и прежде, занимает в эти годы значительное место в публицистике и художественном творчестве самого Горького («Жизнь Клима Самгина», статьи «Механическим гражданам» СССР», «О мещанстве», «О солитере» и др.). Все это объясняет, почему его привлек роман Колоколова, в котором в обличительном плане показаны, по выражению Горького, «поэзия обывателя и философия его».¹

В оценке романа Горький обращает также внимание на классовый характер гуманизма. Он подчеркивает, что подлинным гуманистом является человек революционного дела, страстно борющийся с нечистью старого мира во имя лучшего будущего, а не тот, кто подходит к жизни с критерием отвлеченного «человеколюбия», выродившегося «в привычку лицемерить» и являющегося ничем иным, как «морально обанкротившимся гуманизмом мещан».²

Однако положительную оценку, данную Горьким роману Колоколова «Мед и кровь», в целом разделить нельзя. Тема этого произведения — революция в уездном мещанском городке. Увлечшись разоблачением обывательщины, автор не сумел в достаточной степени раскрыть разумную, организующую силу революции, воплощенную в воле и действиях партии большевиков.

Состоял в переписке с Горьким и несколько раз встречался с ним в начале 30-х годов ивановский писатель Ефим Федорович Вихрев. Как увидим несколько ниже, их отношения возникли из интереса Горького к искусству Палеха. Помимо этого Вихрев выполнял ряд заданий Горького как редактора журнала «Наши достижения». Так, он совершил поездку в Горьковскую область к хохломским кустарям, замечательным мастерам расписных изделий по дереву, и приготовил очерк «Неведомая Хохлома», напечатанный в № 5—6 «Наших достижений»

¹ М. Горький. О книгах. «Книга и революция», 1929, № 6, стр. 8.

² «Рабочий край», 1928, № 287. Письмо членом литературного кружка Покровской профессионально-технической школы. Письмо это не зарегистрировано в упоминавшемся библиографическом своде С. Балухатого и К. Муратовой «Литературная работа М. Горького».

за 1935 г. «После поездки по Горьковскому краю, — писал Вихрев 21 сентября 1934 г. своему брату В. Ф. Вихреву, — были мы у Алексея Максимовича (в дни съезда [писателей. — П. К.]), говорили с ним о впечатлениях нашей поездки в течение двух часов».

О творчестве Семеновского Горький высказывается в это время не только в письмах к нему, но и в печати. В 1930 г. он написал статью-предисловие к его книге стихов «Земля в цветах», изданной в г. Москве. В этой статье Горький говорит о Семеновском: «Он — поэт настоящий, от земли — поэт, которого должен знать наш массовый читатель».¹

Эта высокая оценка продиктована гуманистическим характером поэзии Семеновского. Горького привлекает то, что поэт прославляет радость жизни. Вместе с тем Горький сочувственно отмечает и острые стихотворные фельетоны Семеновского в «Рабочем крае», так как они «беспощадно бьют все то, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить».²

Призыв поэта к борьбе с врагами прогрессивного человечества, к «злобе, воинствующей за любовь», повидимому, был особенно дорог Горькому, так как в 1927 г. свой очерк в «Правде» о рабочем-большевике Михаиле Вилонове он открывает стихотворением Семеновского «Слава злобе».

«Один из хороших советских поэтов, Дмитрий Семеновский, — пишет Горький, — в стихотворении своем «Слава злобе», напечатанном, если я не ошибаюсь, в одном из №№ «Прожектора» за прошлый год, сказал:

Мне тяжело, когда подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор. Но — слава злобе,
Воинствующей за любовь!

Если бы это четверостишие говорило не о злобе, а о более глубоком и творческом чувстве, чем она, — о ненависти, — я мог бы взять его эпиграфом к моему воспоминанию о Михаиле Вилонове».³

В конце 20-х годов Горький задумывает серию книг о «Великих маленьких людях», которые представляли бы

¹ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, М., 1941, стр. 124.

² Там же.

³ «Правда», 1927, № 99.

собой очерки о героях социалистического строительства, о людях, которые с любовью делают свое будничное, маленькое дело для великого будущего.

В 1927 г. в своей известной статье «Десять лет» Горький сложил восторженный гимн рядовому советскому человеку — преобразователю мира. Он писал в этой статье:

«Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства.

К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах Севера, к человеку..., который скромно делает как будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело, — к нему я обращаюсь с моим искренним приветом.

Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая свое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир».¹

К «маленькому, но великому человеку» советской страны были обращены все помыслы Горького, он — один из основных героев его публицистики тех лет и специально таких статей, как «О «маленьких людях» и о великой их работе», «О старом и новом человеке», бесчисленные открытые корреспонденции рабочим и крестьянам. Теме героизма простых советских людей посвящены многие из очерков Горького «По Союзу Советов» и его «Рассказы о героях».

В этом плане творческих устремлений Горького-публициста и писателя представляет несомненный интерес ряд его писем к Семеновскому. В конце 1928 г. он спрашивает Семеновского: «О каких «маленьких очерках о людях» пишете вы? Нельзя ли познакомиться с ними? Мне хочется издать несколько книг о «Великих маленьких людях», одну из таких книг пишут в Ростове н/Д, ваша, м[ожет] б[ыть], годилась бы на место второй, если только в ней вы имеете героями маленьких людей, сердечно делающих будничное дело...»²

Очерки Семеновского были несколько иного типа, чем те, которые имел в виду Горький, и в следующем пись-

¹ М. Горький, Публицистические статьи, изд. 2, Л., 1933, стр. 12.

² Д. м. Семеновский, цитированное изд., стр. 58.

ме он просит Семеновского специально заняться созданием очерков о героях труда: «Вы, наверно, поймете меня, если я скажу вам, что следовало бы создать... ряд биографий героев труда, бескорыстно всю жизнь творивших маленькое свое дело для великого будущего. Вот какова идея. Думаю, что вашему «строю души» она близка»...¹

Осуществляя совет Горького, на тему «Великие маленькие люди» Семеновский написал очерк-поэму об ивановском садоводе-опытнике Ф. А. Самцове. Это был скромный, талантливый мичуринец, преобразователь природы. По профессии он был фельдшером. Небольшой участок земли своим самозабвенным трудом Самцов превратил в цветущий сад, где вызревали виноград и другие южные плоды. Он изобрел также несколько земледельческих машин.

Очерк Семеновского о Самцове в 1935 г. был помещен в журнале «Колхозник» с предисловием Горького. В предисловии Горький пишет:

«Помещая очерк Дм. Семеновского о Самцове, написанный прозой и стихами, редакция журнала «Колхозник» обращает внимание читателей и очеркистов на возможность особого приема, посредством коего наши герои, наши знатные люди могут быть изображены более ярко, с большим пафосом. Наш человек плохо умещается в прозе, особенно если эту прозу пишут небрежно или с холодной душой. Изображение нашего человека так, как он того заслуживает, должно быть повышено в тоне и красках. Дм. Семеновский пробует сделать это, но у него вся биография Самцова была написана стихами, а прозу он ввел уже в стихи. А не попробует ли молодежь наша писать о людях прозой с таким воодушевлением, с такой гордостью их работой, чтобы проза сама собой превращалась в стихи?»²

Мысли, высказанные в этом предисловии, вызваны размышлениями Горького над особенностями советской литературы как литературы нового общественного строя.

Принципиально новый характер героя нашей литературы — советского человека, по мысли Горького, необходимо раскрывать не старыми литературными приемами, а изображать новаторски, в единстве реализма и рево-

¹ Дм. Семеновский, цитированное изд., стр. 58—59.

² «Колхозник», 1935, № 8, стр. 9.

люционной романтики. Горький призывает писателей поэтизировать труд советского человека — победителя природы, строителя новой жизни. Отсюда и его мечта об особом жанре советской литературы — очерке-поэме.

«Героическое дело требует героического слова» — таково одно из требований эстетики социалистического реализма, которое выдвигал Горький перед советскими писателями.

**
*

Кроме писателей, продолжительное время работавших в литературе и ставших уже заметными, с Горьким вступает в переписку ивановская литературная молодежь, начинающие прозаики и поэты М. Д. Шошин, М. И. Марков, Н. А. Орлов, Л. К. Маклашин и др. Наиболее интенсивными отношения Горького с ивановцами становятся с 1928 г., когда празднование 60-летнего юбилея Горького и приезд Горького в СССР сделали его имя еще более близким и популярным в глазах советских читателей и писателей.¹

«Никогда еще в России не было такого количества молодежи, пишущей стихи и прозу; можно сказать, что страсть к литературе приняла характер эпидемии», — отмечал Горький в 1927 г. в «Заметках читателя» и тут же пояснял, что «молодежь понуждает писать ее насыщенность «впечатлениями бытия».² Культурная революция, начавшаяся в нашей стране после Октября, открыла путь к свободному литературно-художественному

¹ Количество ивановцев — корреспондентов Горького, несомненно, не ограничивается перечисленными выше. Например, работница Ивановского Меланжевого комбината Рысина в 1936 г. сообщала в многотиражке: «Мой брат в свое время писал стихи, посылая их на просмотр Алексею Максимовичу Горькому. Горький всегда давал ему ответы, хорошие советы и указания». (Статья «Он был чутким учителем». — «Меланжист», 1935, № 140). В 1928 г. Горький оказал помощь 15-летнему юноше Анатолию Хапаеву, который послал ему свои стихи. В письме к нему Горький советовал не унывать от житейских неудач. «Это вы просто падаете духом. Возьмите себя в руки. Это со всяким бывает», — писал Горький и далее сообщал, что «просил о высылке вам немного денег, чтобы вы поправились» («Юный текстильщик», г. Иваново, 1928, № 34). В связи с этим см. также письмо Горького в редакцию «Рабочего края», напечатанное в этой газете за 1928 г., № 120. Письма Горького Хапаеву и в редакцию «Рабочего края» в библиографической литературе о Горьком не учтены.

² М. Горький. Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 294.

творчеству многочисленным талантам из народа. Сотни и тысячи молодых литераторов обращаются к Горькому как к признанному руководителю советской литературы и наставнику начинающих писателей. Нескончаемым потоком идут к нему письма и рукописи романов, повестей, рассказов, стихов.

Помощь начинающим писателям Горький всегда считал своим долгом художника и гражданина. Он высоко ценил каждое дарование и стремился всемерно его развивать. Д. Семеновский правильно писал в одном из своих стихотворений:

Мы, молодые подмастерья слова,
Росли под крепким горьковским крылом.

Правда, далеко не все из обратившихся за советом и помощью к Горькому стали потом профессиональными литераторами. Из начинающих писателей-ивановцев, посылавших Горькому в конце 20-х и начале 30-х годов свои первые робкие опыты, только имя Шошина стало достаточно заметным в литературе. Остальные или не добились значительных успехов (Н. Орлов, М. Марков), или остановились на «пробе пера» (Л. Маклашин), но те и другие, испытав на себе влияние Горького, ясно поняли великое назначение литературы и навсегда сохранили любовь к ней. Письма же к ним Горького имеют самостоятельный литературный интерес, поскольку в них раскрываются черты великого писателя как чуткого и требовательного воспитателя литературных кадров и поскольку в них рассеяны ценные литературно-эстетические суждения Горького.

Весьма поучительны письма Горького к Михаилу Дмитриевичу Шошину.

Их переписка возникла не без посредничества Н. И. Колоколова, от которого в 1929 г. Горький узнал об удачных выступлениях Шошина в ивановских газетах и сборниках. Вскоре из секретариата Горького Шошин получил коротенькое извещение:

«Алексей Максимович хочет познакомиться с вашим творчеством. Пришлите наиболее удачные свои вещи».

Собрав лучшие из своих произведений, Шошин послал их Горькому. Среди мелких рассказов была и первая его повесть «Записки плохого поэта».

Недели через две Шошин получил ответ, в котором Горький писал: «Записки плохого поэта» и «По заволж-

ским просторам» вполне определенно говорят о вашей даровитости. Говорят и о том, что вам доступно чувство дружбы к людям, чувство доверия к жизни, — это чувство не часто встречается выраженным так просто, искренно. Вы хорошо видите жизнь и знаете, о чем надобно писать».¹ Горького привлекает «светлый тон» произведений Шошина.

Указав на бедность языка молодого автора и дав ему ряд практических советов, Горький позаботился и о том, чтобы его произведения увидели свет. «Записки плохого поэта» были напечатаны в журнале «Наши достижения» под названием «Деревня», «По заволжским просторам» — в журнале «Новый мир», несколько рассказов — в газете «Известия».

И письмо и содействие в напечатании произведений — все это явилось реальной поддержкой молодого беллетриста.

После первого письма Шошин получил от Горького еще несколько коротких записок, в которых Горький сообщал о прохождении в печать той или иной вещи, заказывал для «Наших достижений» очерки на местные иваново-вознесенские темы, давал советы относительно книги «Астрабат», печатавшейся тогда в издательстве «Федерация».

«Все эти письма, — замечает Шошин, — вплоть до адресов на конвертах, были написаны рукой Алексея Максимовича».²

Однако, несмотря на исключительную чуткость и заботливость по отношению к начинающим писателям, было бы несправедливо представлять Горького снисходительным к недостаткам в творчестве молодых авторов. Горький становился суровым и резким, когда видел недобросовестное или легкомысленное отношение к литературе, искаженное или поверхностное отражение нашей советской действительности. Горький исходил при этом из понимания важной воспитательной роли литературы. Для советского читателя, говорит он в одном из писем к Шошину, книга — «не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях».

¹ М. Горький. Письма к рабочим и писателям. Библиотека журн. «Огонек», № 55 — 56, М., 1936, стр. 24.

² М. Шошин. Так учил нас Горький. «Рабочий край», 1946, № 120.

Отсюда становится понятной та резкость, с которой раскритиковал Горький рассказы Шошина «Обгон» и «Вызов». Неудача автора этих произведений показалась Горькому настолько поучительной, что суровое письмо к Шошину по поводу названных рассказов он поместил в только что основанном им журнале «Литературная учеба» (правда, без упоминания имени автора этих рассказов).

Своим письмом Горький старался возбудить в молодом авторе чувство величайшей ответственности за писательский труд, ибо за темами, которые разрабатывает писатель, «скрыты живые люди, большие драмы, много страданий героя наших дней — рабочего». «Не скажет он — рабочий, спасибо вам за то, что вы уродуете действительность, которую он создает из крови и плоти своей», — предупреждает Горький Шошина.¹

Анализ рассказа «Обгон» дан Горьким настолько обстоятельно, его указания так характерны, что это письмо Горького можно привести в качестве образца его воспитательной работы с начинающими писателями. Причем следует заметить, что Горький не ограничивается только констатацией недостатков рассказа, а, исходя из замысла автора, обращает его внимание на те возможности, которые им остались неиспользованными, и на этом учит, как правильно, в соответствии с самой жизнью, надо решать взятую проблему.

«Вы прислали два черновика; оба написаны «на скорую руку», непродуманы и до того небрежны, что в них совсем не чувствуется автор тех двух очерков, которые я вам обещал напечатать и которые подкупили меня своим добрым настроением.

Хуже того, — в «Обгоне» и «Вызове» не чувствуешь ни любви к литературной работе, ни уважения к читателю, а если у вас нет ни того, ни другого, — вы не научитесь писать, и не быть вам полезным работником в области словесного искусства.

Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант — в сущности его — и есть только любовь к делу, к процессу работы. Уважение к читателю от литератора требуется так же, как от хлебопека: если хлебопек плохо промешает тесто, если из-под

¹ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 58.

рук его в тесто попадает грязь, сор, — значит хлебопек не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он — хулиган, который, полагая, что «человек не свинья, все съест», нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране, наш читатель имеет особенное, глубоко обоснованное право на уважение, потому что он — исторически — юноша, который только что вошел в жизнь, и книга для него не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях.

Судя по тому, как вы разработали тему рассказа «Обгон», вы сами относитесь к действительности нашей очень поверхностно.

Тема рассказа — нова и оригинальна: мать, ткачиха, соревнуется с дочерью в работе; на соревнование вызвала ее дочь, но мать, работница более опытная, победила дочь. Победа матери требовала от вас юмористического отношения к дочери, это было бы весьма поучительно для многих дочерей и сыновей и было бы более правдиво. Победа эта не могла не вызвать со стороны старых рабочих хвастовства перед молодежью своим опытом, — это вами не отмечено. Вы догадались, что соревнование должно было повлиять на домашние, личные отношения матери и дочери, но не договорили этого. Перед вами была хорошая возможность показать на этом, сравнительно, мелком факте взаимоотношения двух поколений. Вы этой возможности не использовали. В общем же вы скомкали, испортили очень интересную тему, совершенно не поняв ее жизненного значения.

Как все это написано вами? Вы начинаете рассказ фразой:

«Вечер не блистал красотой». Читатель вправе ждать, что автор объяснит ему смысл этой странной фразы, расскажет: почему же «вечер не блистал»? Но вы ничего не сказали о вечере, в нескольких строчках говорите о поселке, которому «не досталось своей невеликой части кудрявой весны». Каждая фраза, каждое слово должно иметь точный и ясный читателю смысл. Но я, читатель, не понимаю: почему поселку «не досталось невеликой части весны»? Что же — весну-то другие поселки разобрали? И — разве весна делится по поселкам Иваново-Вознесенской области не на равные части?

Далее, — через 6 строк вы пишете:

«Нестерпимая тишина была прижата сине-черным небом и задыхалась в тесноте». Почему и для кого тишина «нестерпима»? Это вы забыли сказать. Почему весенним вечером небо «сине-черное»? Что значит: «тишина задыхалась в тесноте»? Может быть, так допустимо сказать о тишине в складе товаров, но ведь вы описываете улицу поселка, вокруг его, вероятно, — поля, а над ними «сине-черное небо». В этих условиях для тишины достаточно простора и «задыхаться» тишине — нет оснований.

Все десять страниц рассказа написаны таким вздорным языком. Что значат слова: «довольно ответственно заявила»? «Особенно рачить было не для кого». Может быть, вы хотели сказать «радеть». Старинное, неблагозвучное и редко употреблявшееся слово «рачить» — давно не употребляется, даже «рачительный» почти забыто. В другом месте у вас «теплилась ехидца». Ехидство от — ехидны, змен. Змея — холонокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко — «теплиться»? Что такое «здор»?

Наконец выписываю такую путаную фразу:

«Соревнование в последнее время очень нажимала ячейка, к тому же как на яву снилось ей, что через эту победу стать лучшей производственницей в комсомоле и получить лишнюю пару недель отпуска в качестве премии дело не сугубо трудное».

Это не только небрежно, а и сугубо безграмотно, товарищ.¹

Шошин признается, что рассказ «Обгон» он написал в два дня, не продумав достаточно тему, не изучив настоящего материала, не поработав над художественной формой. Обиды на критику Горького, замечает Шошин, не было: «Я видел, что Горький открывает мне глаза. Методы и приемы работы после этого пришлось ставить на обе ноги. Имевшееся в то время у меня мальчишеско-беспечное отношение к своему творчеству было вырвано с корнем».²

И в другом месте Шошин пишет о значении для не-

¹ «Литературная учеба», 1930, № 1, стр. 57 — 58. См. также в книге Горького «О литературе», изд. 3-е, М., 1937, стр. 294—295. Рассказ М. Шошина «Обгон» напечатан в «Рабочем крае», 1929, № 138.

² М. Шошин. Как меня учил Горький. «Рабочий край», 1931, № 123.

го критики Горького: «Горький научил меня сначала исследовать тему, взвесить ее, прислушаться к ее звучанию, всмотреться в предельный размер ее, а потом уже и писать, не доверяясь особенно «минутам вдохновения», которые ослепляют писателя и уводят его на вредный путь риторики, поверхностности и недоделанности».¹

Суровый урок, данный Горьким, пошел на пользу Шошину. К нашим дням он вырос в хорошего профессионального писателя, автора ряда значительных книг и романа «За рекой Выремшей», получившего положительную оценку в центральной печати.

Большую пользу для себя извлекли из писем Горького и другие начинающие писатели-ивановцы.

Письма Горького Михаилу Маркову, прямо и откровенно говорящие о недостатках его стихов, заставили молодого поэта более серьезно относиться к своему творчеству.

«Говоря откровенно, стишки ваши «так себе», т. е. не хороши, — писал Горький Маркову в 1928 г. — Такие образы, как «стая оврагов», «окунутые в поте» и проч. — это плохо. Еще хуже то, что Есенина вы ставите выше Пушкина и Лермонтова, — это уже совсем скандал!

Но мало ли какую чепуху может сказать человек 18 лет от роду... В эти годы печататься не следует, а надобно учиться во всю силу, вот что, сударь мой!.. Очень рекомендую вам: учитесь, детушка».²

Марков последовал совету Горького, начал систематически учиться, поступил в педагогический институт. Его стих после этого заметно окреп.

О значении, которое имели для него письма и указания Горького, начинающий поэт Николай Орлов в статье «Помощь» говорил так: «Если я сейчас пишу гораздо больше удовлетворяющих меня стихов, я знаю, что в этом мне помог Алексей Максимович, как помог сотням других начинающих писателей».³

В письмах к Орлову очень ярко сказались забота Горького о начинающем писателе, внимательное и требовательное отношение к нему.

¹ М. Шошин. Как он меня учил. «Рабочий край», 1932, № 216

² «Литературная учеба», 1937, № 6, стр. 139.

³ «Рабочий край», 1932, № 216.

Николай Орлов рос и учился в Иваново, потом окончил военную авиационную школу в Ленинграде. «Стремление к литературной работе, которое я почувствовал еще в Иваново-Вознесенске, за интересной лёгкой работой стало еще сильнее», — пишет Орлов в упоминавшейся статье «Помощь».

Свои стихи и очерки Орлов помещал в военных газетах «Красная звезда», «Красный Балтийский флот», «Красный черноморец». Не терял он связи и с родным городом. В 1928—1929 гг. он состоял членом местной литературной группы «Атака». Его стихи очень часто печатались в ивановской комсомольской газете «Юный текстильщик». Большинство из них посвящено военноморской теме.

Однажды Орлов свои стихи послал на консультацию в московский журнал «Октябрь» и в ленинградский журнал «Резец». Ответы, полученные из этих журналов, автора не удовлетворили, тем более, что они противоречили один другому.

«И вот, — рассказывает Орлов, — тогда я решил обратиться к Алексею Максимовичу. Переписал несколько стихов и вместе с небольшим письмом послал в Сорренто (в Италию) Горькому.

Зная дальность расстояния и наученный месячным ожиданием ответа из Москвы и Ленинграда от наших литконсультаций, я предполагал, что ответ от М. Горького придет не раньше, как через 2—3 месяца. Каково же было мое удивление, когда я на двадцатый день после отправки письма получил ответ от Горького».¹

Горький в своем ответе, написанном 25 февраля 1929 г., настойчиво советует молодому автору учиться у классиков русского стиха — Пушкина, Лермонтова и других. Он предостерегает его от увлечения формализмом в поэзии и заставляет думать о тех, кому адресованы стихи — о читателях-трудящихся, которые дорожат в поэзии искренностью, доходчивостью и естественной красотой.

«Стихи у вас — сырые, — пишет Горький, — в них много небрежного, недоделанного и неясного. Но чувствуется дарование и вам следует отнестись к нему серьезно.

¹ «Рабочий край», 1932, № 216.

Надо учиться! Учиться следует у хороших мастеров стиха, у стариков таких, как Пушкин, Лермонтов и т. д. Внимательно прочитав старых, вы увидите, чего не хватает современным молодым, что они взяли от старых поэтов и чего добились сами. Понять это — легко. Понять это вам необходимо, если вы серьезно хотите писать стихи и не можете отказаться от этого.

Стихи о полете на аэроплане очень удались вам. Но зачем вы так фигурно расставили строки? Лишнее это. Читатели наши — простые хорошие рабочие люди, их внешними фокусами не тронешь, им нужна красота, искренность, хорошее полнозвучное слово».

Горький внимательно прочитал стихи, присланные Орловым, и сделал на полях много заметок. Автор, учтя эти заметки, переработал стихи, снова послал Горькому и через несколько недель получил ответ:

«Стихи — не плохие. Вы бы послали их в московскую красноармейскую прессу.

По поводу слова «ситец», «ситцевый» я указал вам, что частое повторение одного и того же слова, как бы оно ни было приятно лично вам, читателям должно наскучить. Ведь стихи-то вы пишете не только для себя, а и для читателя.

Также не всегда уместно повторять первую строфу в конце стихотворения».¹

Леонид Маклашин обратился к Горькому в 1930 г. Вот как он сам рассказывает об этом в статье «Письма и встречи», написанной в 1941 г.: «Прочитав в Иваново рассказ Горького «Коновалов», я и мой товарищ [В. Зеленин, двоюродный брат Л. Маклашина. — П. К. решили написать письмо его автору. Письмо написали большое. Начиналось оно так: «Хотим быть такими же, как ваш Коновалов...» Вместе с письмом были отправлены стихи и мой рассказ «Торфмейстер» — на просмотр. Через три недели мы получили ответ...»²

В своем письме Горький не ограничивается подробным разбором рассказа и чисто «техническими» советами. Он выдвигает перед начинающими писателями большие мировоззренческие вопросы, наставляет их на правильный жизненный путь, учит, прежде всего, честно,

¹ Письма М. Горького Н. А. Орлову опубликованы в газ. «Горьковская коммуна», 1940, № 139.

² «Приволжская правда» (г. Кинешма), 1941, № 141.

хорошо работать, ибо труд, как говорит Горький, имеет в нашей стране «общегосударственное значение». При этом Горький умело использует образ Коновалова, на которого хотели походить юноши.

«Вы, ребята, пишете мне: «Хотим быть такими же, как ваш Коновалов», т. е. людьми, вечно ищущими счастья и не находящими себе постоянного места на земле. Написали вы это потому, что вам обоим по 19 лет и у вас не было времени серьезно подумать о человеке и его месте на земле. Так как вы оба метите в литераторы, я обязан указать вам, что выражение «постоянного места» употреблено вами неправильно: планета наша Земля есть именно постоянное место пребывания людей от рождения до смерти, искать его — нет смысла, оно у нас под ногами.

Вместо «постоянного» вам следовало сказать: прочного или удобного, заметного места. По существу этой вашей фразы скажу следующее: вам, людям 30-х годов XX века, нет никакого смысла подражать в чем-либо Александру Коновалову, человеку второй половины XIX века, человеку неплохому «по натуре», но «несчастному», жалкому, больному алкоголизмом. По болезни своей он и не искал в жизни прочного или удобного места, чувствуя, что личная его жизнь не удалась, да уже и никогда не удастся ему. Был он человек по характеру своему пассивный, был одним из множества людей того времени, которые, не находя себе места в своей среде, становились бродягами, странниками по «святым местам» или по кабакам. Если бы он дожил до 1905 года, он одинаково легко мог бы стать и «черносотенцем», и революционером, но в обоих случаях — не надолго. Вот каков герой, которому вы хотите подражать.

Единственное ценное его качество вы не заметили. Качество это — любовь к работе. Работать он действительно любил, работал честно, чистоплотно, в тесто не плевал, как это делали многие другие пекари, обремененные тяжелой работой по 14—16 часов в сутки.

Любовь к работе, честное отношение к ней — это качество социально высоко ценное, и вот в этом вам следует подражать Коновалову. Тем более следует, что теперь у нас рабочие — единственные законные хозяева своей страны, и какое бы дело ни делал каждый из

них — он работает на себя и только для себя, для своего государства. Очень многие из рабочих еще не понимают этого и жалуются, ропщут, что жить трудно. Разумеется, трудно жить в недостроенном доме, а еще труднее в государстве, которое строится на совершенно новых началах, как никто, нигде и никогда еще не пытался строить жизнь. Есть только один способ скорее достичь более легкой и удобной жизни, это — работать честней, добросовестней, аккуратней, понимая, что всякий труд у нас имеет общегосударственное значение и приносит пользу только рабочим».¹

Кроме процитированного выше письма Л. Маклашин и В. Зеленин позднее получили от Горького еще несколько писем и ряд необходимых им книг, которых они не могли достать. В числе присланных книг, как сообщает мне Л. Маклашин, была книга Горького «О литературе».

В ряду писем Горького по литературным вопросам, адресованных ивановцам, особое место занимает его письмо от 15 февраля 1930 г. А. Ф. Яковлеву. А. Ф. Яковлев работал в то время учителем села Пеньки, Кинешемского района. Стихов и рассказов он не писал, но художественную литературу любил, особенно произведения Горького. Регулярно он также читал редактируемый Горьким журнал «Литературная учеба», где в 1930 г. печатались горьковские «Письма из редакции», посвященные анализу произведений молодых авторов. Все это и натолкнуло его на мысль обратиться к Горькому с такими интересующими его вопросами: в чем заключаются общие для всех молодых писателей недостатки? Каковы пути их преодоления?

Горький ответил на эти вопросы специальным письмом:

«Вы, товарищ, спрашиваете: «Чего нехватает нашим молодым писателям для того, чтобы книги ихние «брали за живое»? И, затем, говорите, что, по-вашему, одним недостатком «выучки» эту «нехватку» едва ли можно объяснить.

Выучек — две, одна — лыко драть, другая — лапти плести. Лыко драть — значит: копить материал, уметь видеть, слышать; уметь чувствовать за всякого другого

¹ М. Горький. О молодежи. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1949, стр. 180—181.

человека и «праведного» и грешного, уметь найти в хорошем — плохое, в плохом человеке — хорошее, человеку. Лапти плести — уметь расположить материал так, чтоб всякая мелочь на месте была, а лишнего — ничего, чтобы все било и в нос, и в глаз, и в лоб читателя.

Вот это и есть техническая, литературная выучка и дается она — с трудом, как всякая выучка: агронома, доктора и т. д. Я, вот, пишу скоро 40 лет, а не могу сказать, что умею писать так, как хотел бы, выучки-то все-таки нехватает. И не мало, среди литераторов, есть людей, весьма много переживших, видевших и слышавших, рассказывают они об этом — хорошо, а пишут — плохо.

Выучка, техника, — великое дело, товарищ, без нее мы бы и теперь сохой землю ковыряли и одевались в звериные шкуры. А, вот, выучились трактором пахать, из дерева шелк делаем.

Нет, товарищ, надобно учиться всегда, всему; надобно напрягать все силы для того, чтобы больше знать, все знать. В старину говорилось, что «познание умножает скорбь» — в этих словах есть правда, но — не вся. Горько и тягостно познание, когда видишь, что люди живут тяжело и плохо, но — великая радость знать, что они понимают, а многие уже и поняли, что надобно жить лучше и работать для того, чтобы всем лучше жилось.

Молодые писатели — молоды, это тоже недостаток их, но вы знаете, это — проходит. Торопятся они, небрежно работают, часто портят свой материал, да и язык родной, русский плоховато знают, а писатель должен отлично знать свой язык. Вон как Пушкин, Гоголь и др. отлично знали его».¹

Пристальное внимание к писателям, живущим и работающим в областях, к литературным силам, поднимающимся на местах, горячее желание помочь им, вы-

¹ «Приволжская правда» (г. Кинешма), 1930, № 199. Кроме этого письма А. Яковлев получил от Горького еще одно письмо, как ответ на вопрос о недостатках воспитания в школе тех лет.

Тов. Яковлев сообщает мне: «Я спрашивал о том, почему в нашей школе недостаточно... воспитывается чувство патриотизма, в частности, на конкретных исторических примерах. А. М. Горький указал в ответе, что необходимо действительно в этом направлении строить учебно-воспитательную работу. Содержание передаю по памяти, так как оригинал письма затерялся при моих переездах...»

вести их на широкую дорогу творчества являются отличительными чертами Горького как организатора и руководителя советской литературы.

В статье 1931 г. «О литературе» Горький писал: «...На мой взгляд, старая наша литература была по преимуществу литературой Московской области... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы... Я не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен»...¹

По сравнению с русской литературой в прошлом, «молодая наша литература — отмечал Горький, — ...отличается широтой охвата действительности».² И эта особенность советской литературы проистекает, по мысли Горького, из того, что она создается не только в столицах — Москве и Ленинграде, но и в многочисленных краях и областях нашей Родины, которые перестали быть «литературной провинцией».

Горький призывал критиков «не игнорировать областной литературы и прессы»,³ так как был уверен, что там создаются и могут создаваться крупные литературные ценности. Он сам теснейшим образом был связан с областными литературами и много способствовал их росту. Наглядный пример этому — связь Горького с ивановскими писателями.⁴

¹ М. Горький. О литературе. Изд. 3, М., 1937, стр. 51—53.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Следует заметить, что Горький знал не только современное состояние литературы в Иванове, но и ее прошлое. Ему была хорошо известна краеведческая работа М. П. Сокольниковой «Литература Иваново-Вознесенского края», на которую он ссылается и которую сочувственно цитирует в своей статье 1932 г. «Еще раз об истории молодого человека XIX столетия» (см. М. Горький, «Публицистические статьи», Л., 1933, стр. 366). Работа М. П. Сокольниковой «Литература Иваново-Вознесенского края» напечатана в «Трудах Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения», вып. 3, Иваново-Вознесенск, 1925, стр. 182—219. Сокольников послал ее Горькому в 1932 г. в ответ на его письмо о привлечении палешан к художественному изданию «Слова о полку Игореве». «При встрече с ним в 1934 г., — сообщает мне М. П. Сокольников, — он хорошо отозвался об этой работе и сказал, что передал ее для использования в затеваемой им серии книг «Русские города».

Особое внимание Горького к развитию советской литературы в республиках, краях и областях необъятного Советского Союза полностью себя оправдало. В наши дни мы видим, как большое число писателей выдвинулось и заняло почетное место в советской литературе, придя в нее с периферии. Здесь достаточно лишь перечислить имена писателей, удостоенных Сталинских премий за последние годы: В. Ажаев и П. Комаров с Дальнего Востока, С. Бабаевский с Кубани, П. Бажов и И. Ликстанов из Свердловска, К. Седых и А. Волошин из Сибири, И. Козлов из Крыма, И. Василенко из Таганрога и т. д., не говоря уже о большом числе писателей лауреатов Сталинских премий из национальных республик. Все эти писатели принесли с собой в советскую литературу отличное знание жизни, новизну тем и образов и способствовали ее росту и обогащению.

II. ГОРЬКИЙ И ХУДОЖНИКИ ПАЛЕХА

Среди ивановцев очень давние и очень прочные связи существовали у Горького с палешанами. Искусство палехских мастеров было для него показателем органической талантливости русского человека и его национальной самобытности в сфере художественного творчества. Однако в условиях капиталистического строя это искусство, втиснутое в узкие рамки иконописного ремесла, не имело благоприятных предпосылок для своего развития, и только Великая Октябрьская социалистическая революция дала полную возможность для расцвета талантов палешан.

3 В 1915 г., говоря о невиданном в истории расцвете народного творчества после Октября, Горький в статье «Об искусстве» отметил поразительные достижения мастеров Палеха и коренные изменения в их искусстве. «Можно ли было думать,— писал он,— что через иконопись — консервативнейшее ремесло... мастера Палеха и Мстеры придут к их современному отличному мастерству, которое вызывает восхищение даже в людях, избалованных услужливостью живописцев».¹

Страстный борец за народное искусство, Горький с пристальным вниманием и огромной заинтересованностью наблюдал за работой палешан на протяжении более чем полувека. После революции он окружил их вниманием и заботой, многое сделал для популяризации их искусства у себя на Родине и за границей, способствовал становлению их творчества на путь реализма.

С мастерами Палеха Горький познакомился впервые осенью 1882 г. в иконописной мастерской нижегородского купца Д. А. Салабанова, куда он четырнадцатилетним подростком поступил на работу.

Салабанов был родом из Палеха.² Во время пребы-

¹ «Наши достижения», 1935, № 5—6, стр. 6—7.

вания Горького в иконописной мастерской (оно длилось до весны 1883 г.) Салабанова в живых уже не было и делами правила его жена Ирина Яковлевна, которая была также из села Палех, Вязниковского уезда.

«Хозяйка моя,— пишет Горький в автобиографической повести «В людях»,— мягкая и пьяненькая старушка, объявила мне владимирским говорком:

— Дни теперя коротенькие, вечера длинные, так ты с утра будешь в лавку ходить, мальчиком при лавке постоишь, а вечерами — учись!»²

Обучение в иконописной мастерской Салабанова было обычным для «заведений» этого пошиба. Мальчику-подростка в течение многих лет использовали на побегушках и на подсобной изнурительной работе, нисколько не заботясь о какой-то организованной и систематической передаче ему опыта и знаний. «Учение» Алеши Пешкова иконописному мастерству ограничивалось тем, что он приготавливал мастерам самовар, прибирал мастерскую и лишь по вечерам растирал краски да с любопытством «присматривался» к мастерству.

В автобиографическом рассказе «Встряска» (1898 г.) Горький пишет, что его герою, прислуживающему в иконописной мастерской, «самым неприятным и даже страшным... было кропотливое и требовавшее большой осторожности поручение заготовить яичных желтков для красок. Нужно было осторожно разбить яйцо, слить желток в одну чашку, белок в другую, а он то портил яйцо, разливая в нем желток, то сливал белок в чашку с желтком и портил уже все желтки, которые уже успел отделить. За это — били. Скучную и нелегкую жизнь изживал он».³

Иконописная мастерская Салабанова, ставшая одним из «университетов» Горького на его многотрудном жизненном пути, была типичным капиталистическим предприятием, где подвергали жестокой эксплуатации талантливых мастеров.

И в повести «В людях», и в рассказе «Встряска» Горький дает яркую и правдивую картину тяжелой и уг-

¹ См. исследование И. Груздева «Горький и его время», т. 1, изд. 2, «Советский писатель», 1948, стр. 450—452.

² М. Горький, Собр. соч., изд. 2-е, том XVII, М.-Л., 1933, стр. 158.

³ М. Горький, Забытые рассказы, Л., 1940, стр. 324.

нетающей обстановки, в которой приходилось работать иконописцам. «Конвейерный» способ изготовления иконы превращал мастера в раба ремесла, изгонял из дела малейший дух творчества, превращая труд в обезличенный стандартный процесс. Мастер писал только или лицо, или условный пейзаж, или надписи и т. д.

«Иконописная мастерская, — рассказывает Горький в повести «В людях», — помещалась в двух комнатах большого полукаменного дома; одна комната от трех окон во двор и двух — в сад; другая — окно в сад, окно на улицу. Окна маленькие, квадратные стекла в них, радужные от старости, неохотно пропускают в мастерскую бедный рассеянный свет зимних дней.

Обе комнаты тесно заставлены столами; за каждым столом сидит согнувшись иконописец, за иным — по двое. С потолка спускаются на бечевках стеклянные шары, налитые водою, они собирают свет лампы, отбрасывая его на квадратную доску иконы белым холодным лучом.

В мастерской жарко и душно; работает около двадцати человек «богомазов» из Палеха, Холуя и Мстеры; все сидят в ситцевых рубахах с расстегнутыми воротниками, в тиковых подштанниках, босые или в опорках, над головами мастеров простерта сизая пелена сожженной махорки, стоит густой запах олифы, лака, тухлых яиц...

Иконопись никого не увлекает; какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, неспособных возбудить любовь к делу, интерес к нему. Косоглазый столяр Панфил, злой и ехидный, приносит выстроганные им и склеенные кипарисовые и липовые доски разных размеров, чахоточный парень Давидов грунтует их; его товарищ Сорокин кладет «левкас», Миляшин сводит карандашом рисунок с подлинника; старик Гоголев золотит и чеканит по золоту узор; доличники пишут пейзаж и одеяния иконы; затем она без лица и ручек стоит у стены, ожидая работы личников...

Когда «тельце» написано личником, икону сдают мастеру, который накладывает по узору чеканки «финифть»; надписи пишет тоже отдельный мастер, а кроет лаком сам управляющий мастерскою, Иван Ларионыч, тихий человек». ¹

¹ М. Горький, Собр. соч., т. XVII, стр. 176—177.

Присматриваясь к технологическому процессу изготовления иконы, Алеша Пешков скоро начинает подмечать, что «почти все, занятые этим раздробленным на куски мастерством, не любят его и страдают мучительной скукой».¹

Иконописное дело, организованное по образцу капиталистической фабрики, пагубно влияло на труд палехских мастеров, еще более ограничивало и без того ограниченные рамками иконописного стиля творческие возможности палешан. Это не осталось незамеченным Горьким. В одной из своих корреспонденций с Всероссийской выставки 1896 г., происходившей в Нижнем-Новгороде, он говорит о неудачных попытках использовать «крестьян Холуя, Палеха и Мстеры, сел Вязниковского уезда, Владимирской губернии, сплошь занятых иконописью», в качестве художников текстильного рисунка, так как «малый, воспитанный на изображении аскетических лиц, фигур и прямых складок платья», оказывается неспособным создать нечто интересное, значительное и радостное, а, механически комбинируя веточки, лепестки и цветочки, создает обычно «какое-нибудь яркое уродство».²

**

Деградация Палеха в конце XIX века несомненна. Однако, по справедливому замечанию исследователя палехского искусства проф. А. В. Бакушинского, Палех даже «в упадочную эпоху своего развития сохранил традиции мастерства».³

Мастерство это проявлялось лишь в особой тщательности письма и обработки поверхности иконы. В остальном же народные мастера были крепко связаны требованиями изобразительного подлинника. Наиболее талантливые из них, те, которых можно назвать словами Горького — «одиночки-артисты», в душе не могли мириться с ремесленным обезличенным процессом «фабрикации» икон и механическим копированием подлинников, они стремились сохранить в своей кустарной живописи дух творчества, элементы целостного, органического искусства.

¹ М. Горький, Собр. соч. т. XVII, стр. 187.

² «Горький об искусстве», М.-Л., 1940, стр. 104.

³ А. В. Бакушинский, Искусство Палеха, М.-Л., 1934, стр. 96.

В салабановской мастерской таким «одиночкой-артистом» являлся «личник» Жихарев, который горько жаловался: «Связали нас подличники...»

В душе Жихарев — настоящий художник. Он тоскует по утраченному целостному мастерству живописца. Работает он так, что ему жаль расставаться с написанной иконой. «Жалость эта не всем доступна», — замечает Горький. Услышав чтение Алешей Пешковым поэмы Лермонтова «Демон», Жихарев необыкновенно взволновался, пораженный силой поэтического слова. Под влиянием прочитанного у него возникает желание изобразить Демона. Однако написать лермонтовского Демона Жихареву было не суждено. Талант его растрачивался на скучный, притупляющий ум труд иконописца. Жихарев не выдерживал этого и порой запивал...

Не менее тяжело сложилась жизнь и другого героя повести «В людях» — палешанина Павла Одинцова (1867—1906 гг.).

С Павлом Одинцовым, учеником-иконописцем, Горький сошелся особенно близко. Это был мальчик-сирота, почти ровесник Горького, лет с восьми живший по чужим людям. Был он талантливый рисовальщик и карикатурист, и впоследствии из него выработался хороший мастер. В Москве в Государственном музее А. М. Горького хранится автопортрет Одинцова, написанный им маслом на мраморе по просьбе Горького. Работа эта свидетельствует о его незаурядных способностях портретиста и живописца. «Но его не надолго хватило, — пишет Горький, — к тридцати годам он начал дико пить, потом я встретил его на Хитровом рынке в Москве босяком и недавно слышал, что умер в тифе».⁴

П. С. Одинцов не только встречался с Горьким-писателем, но и переписывался с ним в начале 900-х годов. Сохранились два его интересных письма к Горькому, опубликованные в книге И. Груздева «Горький и его время». Написанные безграмотно, но от души, они проникнуты чувством глубокой любви к другу юных лет Алеше Пешкову, ставшему знаменитым писателем.

В первом письме он жалеет о несостоявшейся встрече с Горьким в Москве и говорит о радости предстоящего свидания. Из второго письма мы узнаем, что Одинцов

⁴ М. Горький, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVII, стр. 190.

работает в Самаре. Он жалеет, что ему не придется посмотреть пьесу «На дне», так как в Самаре она не идет. Из письма ярко вырисовывается облик Одинцова, как одного из первых читателей-трудящихся, восхищающегося образами, созданными писателем, который вышел из той же среды, что и он.

«Я еще пока имею твои 1, 2 и 3 тома. Лучшее из них я нахожу «Бывших людей» — что за типы, что за Кувалда! Одно я могу тебе пожелать: береги себя, я слышу, что твое здоровье не в порядке. Храни тебя бог для нас, простых людей, дорог ты нам, родной наш Максимыч. А о себе и говорить нечего. Я одно вспоминаю — наше детство: как оно было ни мрачно, но лучше, чем теперь. Дела скверные, да и этих почти нет, а что и есть, то прибирают в свои руки разные учреждения... Если не затрудню, то пришли, что можешь, из твоих книг. 1—2—3 тома я имею. Не откажи, буду благодарен и все со мной, кто у меня берет их читать. Не поверишь, как я получил от тебя книги, сам прочел и не находился у меня 1-го месяца. Просят, а я с радостью даю. Вот во имя любящих тебя пришли. Что можешь, а по нынешним делам сам я приобрести не соберусь. От души тебе желаю здоровья».¹

**

В повести «В людях», созданной в 1915—1916 гг., Горький с большой теплотой вспомнил о своих товарищах по иконописной мастерской: они ему «казались хорошими людьми, а жизнь была плоха, недостойна их, невыносимо скучна».²

Из повести мы узнаем, что подросток Алеша Пешков старался внести, насколько мог, свет и веселье в безрадостный быт иконописцев. В свободное время он читал стихи русских поэтов, открывал неведомый им дотоле мир, «лицедействовал» вместе с Павлом Одинцовым, разыгрывая смешные сценки и «комедии», рассказывал истории из прочитанных книг, о своей жизни на пароходе, о людях, с которыми встречался.

Мастера были благодарны Алеше за его душевную отзывчивость и заботу. Один из них в день его именин

¹ И. Груздев. Горький и его время, т. I, изд. 2, стр. 455—456.

² М. Горький. Собр. соч., изд. 2-е, т. XVII, стр. 192.

произносит слова, полные любви и признательности и в то же время прекрасно вскрывающие замечательный гуманизм будущего великого писателя:

«— Хорошо в тебе то, что ты всем людям родня, вот что хорошо!..»

«Все смотрели на меня хорошими глазами, — пишет Горький, — ласково высмеивая мое смущение, еще немножко — и я бы, наверное, разревелся от неожиданной радости чувствовать себя человеком, нужным для этих людей».¹

Нужным и близким себе человеком, «родней» всех забитых и угнетенных считали палешане Горького еще в глухие и мрачные времена царизма. Читая его книги, как это видно на примере Одинцова, они не могли не радоваться, что человек из их среды стал великим писателем, светочем, указывающим путь вперед людям труда.

Оглядываясь в дни траура по Горькому на свое прошлое, возрожденные революцией к новой жизни палешане писали в газете «Правда» о значении для них Горького в то далекое время:

«Он работал среди нас во мраке царской России. Он пережил в себе судьбу народа.

Он, как и мы, познал бесправие людей в душных мастерских, и он, наряду с сотнями и тысячами судеб людей, нес в себе и нашу судьбу — безвестных и бесфамильных «богомазов». Он звал нас вперед. Нас и миллионы других.

Сквозь долгие годы мы слышали его слово...»²

**

После Великой Октябрьской социалистической революции произошла вторая встреча Горького с палешанами. Но это были уже не иконописцы, а советские народные художники, настойчиво прокладывающие новые пути в своем древнем искусстве.

5 декабря 1924 г. художники Палеха объединились в артель древней живописи. Этим названием они хотели подчеркнуть, что намерены развивать свое творчество на основе старой традиции местного искусства. В живопис-

¹ М. Горький, Собр. соч., изд. 2-е, т. XVII, стр. 200.

² «Он — прошлое, настоящее и будущее народа». «Правда», 1936, № 168.

ном наследии Палеха их привлекали лучшие его качества — мастерство рисунка, композиции, колорита. Но это вовсе не значит, что они стремились застыть на традициях старого Палеха.

Революция раскрепостила палехское искусство, предоставив бывшим кустарям-иконописцам, стесненным при капитализме в своем творчестве, полную возможность проявить свои таланты и дарования. Освобожденные от оков иконописного ремесла, палешане встали на путь создания искусства, близкого советской действительности, отвечающего интересам и запросам народа.

Не икона — средство духовного дурмана, не лики святых, теперь никому ненужные, а искусная лаковая миниатюра, переливающаяся всеми цветами радуги, с новым сюжетом, взятым из сказки, из живой советской действительности, из произведений русских писателей-классиков и советских писателей, стала основой яркого и самобытного искусства палешан.

«Прекрасный размах, который дала народному творчеству великая революция»,¹ нашел свое яркое выражение в творчестве возрожденного Палеха.

Однако путь палешан к социалистическому искусству был не из легких. Он требовал от старых мастеров изменения всего их мировоззрения, отрешения от стилистических канонов иконописи. Он был сопряжен с поисками новой тематики и новой художественной техники.

Любовь к искусству, напряженный труд и природная талантливость помогли палешанам преодолеть многие из трудностей, вставших на их пути. Огромнейшее значение для них имела та материальная и моральная поддержка, которой окружили народных художников партия и правительство, а также помощь, оказанная А. М. Горьким. В результате всего этого их творчество поднялось на большую идейно-художественную высоту, приобрело всенародное признание и мировую известность и славу.

**
*

В конце XIX века, когда с ними впервые встретился Горький, палехские мастера, отлично владевшие техникой своего дела, не были, в своей массе, знакомы с главным — с процессом создания художественного образа.

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 3, т. XXII, стр. 376.

Теперь они освободились от «конвейерного» производства и стали создавать картины творчески, каждый следуя своему оригинальному замыслу.

То, о чем мечтал лучший мастер салабановской мастерской Жихарев — написать картину на тему поэмы Лермонтова «Демон», осуществилось только после Октября. И. П. Вакуров, один из лучших художников советского Палеха, прочитав повесть Горького «В людях», решил реализовать замысел Жихарева и написал «Демона». Этот факт символичен: он с исключительной наглядностью показывает лицо нового, возрожденного Палеха и все его отличие от Палеха дореволюционного.

Как уже указывалось, первые работы художников-палешан на папье-маше не были свободны от старых композиционных и стилистических приемов иконописи. В преодолении иконописных канонов, в движении Палеха от условности к реализму, наряду с изучением и воплощением современной советской действительности, большое значение имело обращение народных художников к литературным темам. Работая над литературными источниками, художники стремились понять и правдиво передать в образах содержание произведения. Это способствовало не только укреплению реалистической манеры их письма, но вело также к их идейному обогащению, помогало им перестраивать свое мировоззрение.

С этой точки зрения обращение палешан к художественным произведениям основоположника социалистического реализма в искусстве Горького не было просто расширением тематики их творчества, а имело принципиальное значение для всего их дальнейшего идейно-художественного развития, так как произведения Горького учили их изображать жизнь с позиций социалистического мировоззрения.

Прежде чем встретиться лично, Горький и палешане после Октября встретились сначала в плане искусства.

В 1926 г. палехский живописец Д. Н. Буторин создал первую композицию на горьковскую тему — «Смелый Данко» по раннему романтическому рассказу «Старуха Изергиль». В своей автобиографической заметке «Век живи — век учись» Буторин рассказывает: «Я избрал двух великих художников слова — Пушкина и Горького. Как-то у них художнику проще найти тему: когда читаешь — чувствуется картина... Стал читать произведения

М. Горького. Тут еще больше нашел я тем, и они современнее, как, например, рассказ старухи Изергиль о смелом Данко, как он жертвовал собой, чтобы вывести людей из мрака к свету. Это мне очень напоминает нашу коммунистическую партию, которая тоже ведет нашу республику и пролетариат всего мира к социализму».¹

Вслед за Буториным горьковские образы — преимущественно ранняя революционная романтика, столь созвучная яркой и жизнеутверждающей палитре Палеха — в искусстве миниатюрной живописи воплощаются художниками А. Дыдыкиным («На дне», 1929 г.), И. Вакуровым («Буревестник», 1931 г.), А. Котухиным (сцена пира из «Старухи Изергиль», 1930 г.), Н. Зиновьевым («Песня о Соколе», 1933 г.), И. Маркичевым («Мать», 1931 г.) и др.

В настоящей работе не ставится задачей описать эти произведения и дать их анализ. Здесь лишь хочется подчеркнуть, что в композициях палешан на горьковские темы во всем блеске проявилось богатство и разнообразие их талантов.

Для подтверждения сказанного достаточно сравнить три композиции по «Песне о Буревестнике», принадлежащие кисти И. Вакурова, Н. Зиновьева, И. Маркичева. Каждая из этих картин является шедевром в своем роде.

И. Вакуров, в течение двух лет трудившийся над своей композицией, ввел в нее очень сильный элемент символики: подымающаяся буря-революция топит золотой корабль капитала; вдали, слева на берегу, горят дворцы, происходит землетрясение; справа на скале возвышается мощная фигура нового человека, освещенная восходящим солнцем. Буревестник, пингвины, чайки отодвинуты в композиции Вакурова на второй план.

Н. Зиновьев, создавший свою композицию «Буревестника» несколько ранее Вакурова, остался в пределах того материала, который дает само произведение Горького. Он сумел с большой силой и свежестью изобразить основные образы «Песни» и передать ее идейно-эмоциональное содержание. Только в одном Зиновьев позволил себе «вольность»: посредине композиции он написал портрет Горького, подчеркнув этим, что писатель сам является буревестником революции.

¹ Е. Вихрев, Палешане. М., 1934, стр. 211—212.

Работа И. Маркичева выполнена в середине 30-х годов и не в жанре миниатюры, а в жанре монументальной живописи. Его «Буревестник» в Ленинградском дворце пионеров по своим выразительным средствам скуп, но вместе с тем преисполнен сурового величия революционной грозы.

С иллюстрациями палехских художников к своим произведениям Горький познакомился, по крайней мере, уже в 1930 г. В это время у него имелись две палехских композиции — «Песня о Буревестнике» и «Старуха Изергиль». 9 ноября 1930 г. он послал их в литературный музей имени А. М. Горького в Нижнем-Новгороде. Заведующему музеем А. И. Елисееву Горький писал: «Если это можно, если вас не особенно затруднит, я вас попрошу вот о чем: сфотографируйте обе палехских картинки и пришлите мне фотографии». В следующем письме он сообщает: «Палехские снимки получил, спасибо!»¹

Следует заметить, что палешане не только охотно обращались к иллюстрированию горьковских произведений, но и сделали позднее несколько попыток создать портрет Горького (например, Н. Зиновьев, И. Мызников).

В этой связи не лишне будет также отметить, что один из самых лучших портретов Горького принадлежит кисти палешанина Павла Дмитриевича Корина, вышедшего из семьи потомственных иконописцев. Корин получил специальное художественное образование и стал крупным советским художником. В сентябре 1931 г. Горький познакомился с его работами и, убедившись в их талантливости, увез Корина с собой в Сорренто. Там Павел Дмитриевич написал большой портрет Горького во весь рост на фоне гор и моря.

«Мне не хотелось писать Алексея Максимовича Пешкова в его домашней обстановке, меня увлекла задача передать образ Максима Горького, великого писателя, мыслителя и человека». Так рассказывает Корин идейный замысел портрета Горького.²

Во время первой встречи с палешанами в Москве весной 1932 г., показывая им фотографический снимок

¹ «Горьковский рабочий», 1937, № 216.

² П. Корин, Как я рисовал Горького. «Советское искусство», 1936, № 29.

с коринского портрета, Горький сказал, что это лучший из всех портретов, написанных с него художниками.⁴

Позднее с Горького Корин сделал около 20 рисунков — в Москве и в Крыму. О своем знакомстве с великим писателем палешанин Корин говорит, что оно «было большим этапом» в его жизни.

**
*

Самобытность и богатство талантов Палеха, столь ярко раскрывшихся на горьковской тематике, проявились и в произведениях на темы русских народных песен, сказок, гражданской войны, нового быта, которые занимают очень большое место в творчестве художников-палешан, начиная с первых дней работы на папье-маше. Уже в 1923 г. палехские шкатулки пользуются огромным успехом сначала на художественно-промышленной выставке, а затем на сельскохозяйственной выставке в Москве и на Нижегородской ярмарке. Вслед за этим искусство бывших палехских кустарей начинает свое триумфальное шествие за границей, где даже буржуазные искусствоведы, скрепя сердце, вынуждены были признавать за советскими народными художниками первенство и присуждать им высшие награды. Так было на выставках в Италии, во Франции и других странах.

Горький, находясь за границей, внимательно и ревниво следил за буйным расцветом творческих сил своей великой Родины, и, естественно, мимо его внимания не могли пройти успехи Палеха, прошлое которого он так хорошо знал по личным встречам с палешанами. Эти успехи наполняли сердце писателя чувством глубокой патриотической гордости за русского человека, за его обновленную социалистическую отчизну.

«За ничтожное время — 10 лет, — писал Горький в одном из писем на Родину в феврале 1928 г., — духовные силы рабочего народа широко развернулись..., рабочие дали стране сотни писателей, поэтов, живописцев, изобретателей, политических работников..., из мастеров-

⁴ См. Е. Вихрев, Палех, М., 1938, стр. 191. Искусствовед М. П. Сокольников, встречавшийся неоднократно с Горьким, рассказывает в письме ко мне об этом портрете так: «Помню, А. М. показывал мне его, когда он находился еще у него на квартире: «Посмотрите, вот знаменитый художник. И как он верно и мудро меня изобразил».

вых — люди становятся удивительными художниками, как, например, иконописцы-«богомазы» села Палеха».¹

И несколько ранее Горький дал два примечательных отзыва об искусстве Палеха. Первый из них мы находим в письме Горького к его биографу И. А. Груздеву от 1927 г.

«Пожалуйста пришлите мне «Кустарную промышленность», — просит он Груздева, — и — нет ли чего-либо специального о «кустарях-богомазах» Мстеры, Холуя и Палеха. Сейчас они работают совершенно изумительные вещи и очень бы хотелось знать, какой умный Дьявол научил их прыгнуть так высоко? Ой, — талантлив народ наш!»²

В этом же 1927 г. в письме к президенту Государственной академии художественных наук П. С. Когану Горький определяет палехское искусство как «одно из маленьких чудес, созданных революцией», как «свидетельство о пробуждении творческих сил в массе трудового народа».

«Стоит сравнить, — пишет Горький в этом письме, — работу «богомазов» Палеха, Холуя и Мстеры до революции с тем, что они делают сейчас, и мы, поистине, будем изумлены прыжком, который сделали кустари. Возможно, что один из наиболее показательных прыжков от «необходимости» подневольного труда к «свободе» творчества.

Я бы очень советовал собрать в одном из московских музеев дореволюционную работу Палеха, — иконы «фряжского» и «византийского» письма, — сопоставить с достижениями сего дня и, показывая это прекрасное «дело» экскурсантам, говорить им о глубоком символическом значении уродства, побежденного красотой свободного творчества».³

Приведенные отзывы Горького об искусстве возрожденного Палеха говорят о том, что к 1927 г. писатель уже достаточно хорошо был знаком с достижениями палехских художников-миниатюристов.

В 1927 г. советская делегация, навестившая Горького в Сорренто, преподнесла ему великолепный подарок — письменный прибор из папье-маше, состоящий из две-

¹ «Правда», 1928, № 60.

² И. Груздев. Горький и его время, т. 1, изд. 2, стр. 453.

³ Там же, стр. 453—454.

надцати предметов. Прибор этот расписывал Иван Голликов, наиболее ценимый Горьким художник Палеха. Горький был поражен филигранным мастерством росписи и, как передает делегация, был очень рад подарку. «Он поставил прибор на стол и каждого иностранца, входившего к нему, брал за руки и, не давая ему ничего говорить, подводил к письменному столу и много говорил о палехском искусстве, о художниках-самоучках...»¹

Поэт Н. Асеев, гостивший у Горького в ноябре 1927 г., набрасывает в своих воспоминаниях такую картину: «На столе — только что присланные из Союза подарки Горькому: письменный прибор от палехских кустарей, стальные позолоченные изделия Урала. Горький любит ими, показывает их восхищающимся итальянцам».²

**
*

Возвратившись весной 1928 г. на Родину, Горький получил возможность гораздо ближе познакомиться с искусством Палеха. Еще дорогой делегация во главе с редактором «Известий» Скворцовым-Степановым, выехавшая встречать Горького, познакомила его с рядом произведений палехских художников. Горький, вспомнив иконописцев-палешан, с которыми вместе работал в отроческие годы, и даже назвав фамилии Одинцова, Салаутина и Ситанова, тут же высказал мысль о необходимости материальной поддержки палехской художественной артели. Вскоре, по его инициативе, было собрано десять тысяч рублей для оборудования нового помещения для мастерской.

Горький очень хотел побывать в Палехе и своими глазами посмотреть, как работают теперь бывшие «богомазы». По его поручению в Шуйском уисполкоме делался запрос о том, как организовать поездку в Палех.

Поездку в Палех Горький задумывал одновременно с поездкой в Иваново, но ни то, ни другое не осуществилось.

Однако горьковская забота о Палехе и его связь с Палехом не прекращались до самой его смерти.

¹ В-ий, Горький и Палех. «Рабочий край», 1928, № 164.

² Н. Асеев, В гостях у Горького. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», М.-Л., 1928, стр. 460.

Горький подобрал и прислал в Палех богатую библиотеку по вопросам искусства. По его мысли и при его ближайшем участии в Палехе организуется Государственный музей палехского искусства. В Палех направляются специалисты для организации там искусствоведческой и культурно-просветительной работы. Горький заботится о привлечении палехских художников к оформлению книг и вообще о расширении сферы применения их искусства. Трудно перечислить все сделанное Горьким для еще большего расцвета Палеха.

Но главное, пожалуй, состоит не в материальной помощи, которую щедро оказывал Горький, а в той авторитетной моральной поддержке, которую палешане всегда получали и чувствовали с его стороны. Горький — «истинный любитель нашего искусства, верующий в то, что искусство наше переродится и расцветет в новых формах». Так сказал от лица палешан о Горьком Дмитрий Буторин,¹ верно поняв глубокую убежденность Горького в дальнейшем расцвете палехского искусства, как и всего народного творчества, в условиях советской действительности.

Первые шаги, первые творческие искания палешан вызвали не только удивление и похвалу. Среди эстетствующих искусствоведов и критиков слышались и скептические голоса относительно творческих возможностей Палеха, говорилось даже о «примитивности» его живописи. Как суровый ответ такого рода «критикам» прозвучали слова Горького в письме к Е. Вихреву от 15 января 1930 г.: «Искусство Палеха вполне достойно более широкой и грамотной оценки, чем та, которой оно пользуется у нас, достойно и более высокой оценки материальной».²

Эти слова Е. Вихрев поставил эпиграфом к своей статье «Максим Горький и Палех», лично просмотренной и отредактированной Горьким.

В противовес эстетствующим снобам, бессильным понять ростки нового в советском народном творчестве, Горький решительно поддерживает тех людей, кто умеет видеть новое, верит в него и борется за него. Так было и с ивановским писателем-коммунистом Е. Вихревым, вдохновенным певцом палехского искусства.

¹ Е. Вихрев, Палешане. М., 1934, стр. 213.

² «Культура и быт», 1932, № 25, стр. 4.

В 1930 г. вышло первое издание книги Е. Вихрева «Палех». Свою книгу он послал Горькому в Сорренто. В связи с этим между Горьким и Вихревым возникла переписка, затем они неоднократно встречались. В своих письмах от 15 января и 10 февраля 1930 г. Горький высоко оценивает книгу Вихрева. Он отмечает, как положительное, любовь автора к искусству Палеха и понимание значения этого искусства. В целях популяризации работы палехских мастеров Горький предлагает Вихреву написать статьи для журнала «Наши достижения» и в этих статьях сравнить сегодняшний Палех со старым — в этом, считает Горький, будет много поучительного. В № 9 журнала «Наши достижения» за 1930 г. Горький печатает его большой очерк «Палех».

Работа Е. Вихрева по пропаганде и популяризации палехского искусства вызывала неизменный интерес со стороны Горького. Об этом свидетельствуют, например, письма Е. Вихрева к брату В. Ф. Вихреву. 12 июня 1932 г. он сообщает из Палеха: «Здесь я организую книгу «Слово предоставляется Палеху», которую пишут палешане. Этой идеей заинтересовался Горький».¹ 4 октября этого же года в письме из Москвы Е. Вихрев рассказывает: «Последние недели я был особенно загружен работой. Срочно писал очерк к юбилею Горького «Максим Горький и Палех», каковой появился уже в печати... Очерк этот был предварительно прочитан самим Алексеем Максимовичем Горьким — он сделал в нем несколько собственноручных поправок, очень незначительных, а в общем ничего не изменил. Затем я сдал в печать книгу «Палешане». По всей вероятности будет она печататься в богатом издании. Сейчас ее читает Горький. 25 сентября я был у Горького вместе с палешанами..., имел с ним разговор об этой книжке».

Последняя писательская работа Вихрева была тоже связана с Палехом и выполнялась по непосредственному поручению Горького. Для специального номера журнала «Наши достижения», целиком посвященного развитию и успехам народного искусства в СССР, Вихрев готовил очерк о современном Палехе. Приехав в Палех, он забо-

¹ Вихрев имеет в виду книгу воспоминаний и заметок около 20 палехских художников о себе и о своем искусстве, вышедшую в 1934 г. под названием «Палешане».

лел и скончался там 2 января 1935 г. Его большой по-
смертный очерк «Палех, село-академия» был напечатан
в «Наших достижениях» вслед за горьковской статьей
«Об искусстве».

**

Первой личной встрече Горького с палешанами после
Октября, как мы видели, предшествовала длительная
заочная дружба. Горький знал и любил новое палехское
искусство, всячески поощрял и поддерживал палешан
в их работе. Палешане были благодарны своему вдохно-
вителю и учителю и страстно желали встретиться с ним.
Желание это осуществилось весной 1932 г.: 9 мая деле-
гация из четырех человек (в том числе И. И. Голиков и
Д. Н. Буторин) посетила Горького в Москве.

Во время беседы с палехскими художниками Горький
интересовался их материальным положением, нуждами,
творческими запросами.

Иван Голиков в своих мемуарных заметках «Сквозь
бури эпохи» так описывает эту встречу с Горьким:

«Приняты мы были хорошо. Алексей Максимович
расспрашивал об искусстве и нуждах артели и вспомя-
нул наших отцов, иконописцев. Некоторых он знал в дет-
стве, когда был учеником в иконописной мастерской
в Нижнем.

Рассказывал нам, какой интерес имеет наше искусство
за границей, какой упадок искусства наблюдается на
Западе... Тут же лично Алексей Максимович дал нам ряд
художественных изданий и книг по искусству. Рассказал
нам, как поторговывают нашими вещами коллекционеры
и какая нашим произведениям стоимость. Цифры я за-
был, но что-то очень дорого. Пожелал мне успехов в ил-
люстрировании «Слова о полку Игореве».¹

Иллюстрирование «Слова о полку Игореве», роскош-
ное издание которого предприняло издательство «Аса-
детиа», было поручено Голикову по совету Горького.

Горький не без оснований полагал, что великолепный
эпический памятник древней Руси может быть передан
средствами изобразительного искусства лучше всего на-
родными художниками Палеха. Поэтому мысль о привле-

¹ Е. Вихрев, Палешане. М., 1934, стр. 97—98. См. также
вспоминания об этой встрече Д. Буторина, стр. 212—213.

чении палехских мастеров к оформлению издания «Слова» он называл «отличной мыслью», «превосходной».

Так Горький писал в письмах к Д. Н. Семеновскому и художественному редактору издательства «Academia» М. П. Сокольникову. Однако он считал, что «несколько мастеров различных степеней дарования» не смогут «обеспечить украшению книги художественное единство стиля» и высказывался за привлечение к этой работе «лучшего, талантливейшего» из палешан — Голикова.¹

М. П. Сокольникову Горький писал 29 февраля 1932 г.:

«Уважаемый Михаил Порфирьевич! Сообщили мне, что вы предполагаете привлечь к художественному оформлению «Слова о полку Игореве» художников Палеха.

Мысль превосходная. Осуществив ее, вы создадите интереснейшее издание и обеспечите ему беспорный успех...

Но — разрешите мне поделиться с вами такими сообщениями: для того, чтобы достичь предельной целостности художественного оформления и, значит, силы его влияния, необходимо дать всю иллюстрационную работу одному и лучшему мастеру, а не группе различно даровитых. Таким «одним» и самым талантливым является Иван Иванов Голиков. Талантливость его признана всеми мастерами Палеха. Он мог бы дать «Слову» не только иллюстрации, но и заставки, концовки, заглавные буквы. И его работа придавала бы оформлению книги художественное единство. Очень прошу вас серьезно подумать об этом...»²

Для работы над иллюстрациями к «Слову» Голиков издательством «Academia» был вызван в Москву. М. П. Сокольников рассказывает, что когда он сообщил Голикову о высокой оценке его творчества Горьким, Голиков «раскраснелся от волнения, заморгал глазами; его неугомонные руки забегали по усам, по пиджаку, по воротнику рубашки:

— Это надо будет сообразить... Когда такая честь... Сам Алексей Максимович... — сказал он и, не найдя под-

¹ Д. М. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи, изд-во «Советский писатель», 1938, стр. 105.

² «Литературная газета», 1938, № 29.

ходящих слов, замолчал, широко раскрыв изумленные глаза».¹

Над иллюстрированием «Слова» Голиков трудился два года. Прежде чем сделать эскизы, он долго и кропотливо работал над коллекциями Исторического музея и в рукописном отделе Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина, изучая старинные рукописи, миниатюры и орнамент. Им были выполнены не только иллюстрации к «Слову», но и сделаны переплеты, форзац, титул, заставки, концовки и написан весь текст «Слова» для литографского воспроизведения. В свет это издание вышло в 1934 г. и по своим художественным качествам и полиграфической технике является выдающимся.

Горький внимательно следил за работой Голикова по оформлению издания. Он с нетерпением ждал первых его миниатюр к «Слову». Вскоре, 25 сентября 1932 г., в дни, когда наша страна праздновала 40-летний юбилей литературной деятельности великого пролетарского писателя, состоялась вторая встреча палешан с Горьким. Показ Голиковым во время этой встречи эскизов к «Слову» превратился в его настоящий триумф.

Присутствовавший при встрече Е. Вихрев заносит в свой дневник:

«Впечатление, произведенное голиковским «Игорем», незабываемое...

— Изумительно! Изумительно! — кричит Горький. — Да как же это у вас получилось...»²

Высокую оценку работе Голикова Горький дал в 1935 г. также в беседе с известной певицей Ирмой Яунзем. «Мы говорили, — вспоминает она, — о вышедшем недавно в издании «Academia» «Слове о полку Игореве». Горький очень хвалил оформление книги, особенно замечательные рисунки палехского художника Голикова. В связи с этой книгой заговорили о палешанах».³

Кроме миниатюр Голикова, палехская делегация привезла в подарок Горькому большую шкатулку работы

¹ М. Сокольников, Иван Голиков и его работа над «Словом о полку Игореве». «Искусство», 1938, № 4, стр. 36.

² Е. Вихрев, Палех, село-академия. «Наши достижения», 1936, № 5—6, стр. 30.

³ Ирма Яунзем, В гостях у Алексея Максимовича Горького. «Советская музыка», 1949, № 7, стр. 51.

Д. Н. Буторина с изображением сцены из рассказа «Старуха Изергиль». Буторин был в числе делегатов и, подобно Голикову, лично услышал много похвальных слов Горького о своей работе.

В знак признательности за исключительную заботу о палехском искусстве общее собрание артели 4 сентября 1932 г. постановило «считать Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького) почетным членом артели». Делегация вручила Горькому выписку из протокола собрания и бессрочное удостоверение об избрании его почетным членом артели.

Беседа Горького с палешанами о их жизни и творчестве продолжалась более полутора часов. От Горького художники уехали заряженные еще большей творческой энергией и стремлением найти ей более широкое применение.

**
**

Идя по пути, указанному Горьким, палешане много и плодотворно работают над оформлением и иллюстрацией книг, расписывают фарфор, пробуют свои силы в текстильном рисунке, в искусстве театральной декорации и т. д. Особое место в их работе начинает занимать монументальная живопись, в которой возрождается единственное в своем роде искусство палехской фрески, имеющей богатейшие традиции.

Переход к новым видам творческой работы был сопряжен с известными трудностями, но палешане умело и настойчиво с ними справлялись. Вот что говорит Д. Буторин о своих первых опытах над созданием стеной живописи:

«Особенно мне памятна одна работа. Я написал миниатюру «Смелый Данко», которую мне пришлось преподнести Алексею Максимовичу в день его юбилея.

Вскоре нам предложили работу в Ленинградском дворце пионеров — расписывать стены в комнате сказок и в комнате Горького. Стены большие, — забыл сколько метров. Вот тут-то и пришлось призадуматься. С миниатюры, да на такую большую стену! Я писал ту же композицию о Смелом Данко. Пришлось, как говорится, попотеть. Но сделал! Комиссия, созданная из лучших художников Ленинграда, признала работу отличной. Был товарищ Жданов. Поблагодарил за работу. И тут

от сердца отлегло — значит и эта работа нам под силу».¹

К десятилетнему юбилею своего объединения палешане пришли с большими творческими победами не только в искусстве лаковой миниатюры, но и в ряде других областей живописи. В связи с этим пяти крупнейшим художникам Палеха — И. И. Голикову, И. М. Баканову, И. П. Вакурову, А. В. Котухину, И. В. Маркичеву — Советское правительство присвоило почетное звание заслуженных деятелей искусства и приняло ряд решений, направленных на создание благоприятных условий для развития палехского искусства.

Одним из таких решений в Палехе было создано художественное училище, которому присвоили имя А. М. Горького. В течение пяти лет будущие художники постигают здесь тонкое и сложное искусство палехской миниатюры, проходят общую художественную подготовку, изучают историю искусства, получают общее среднее образование. Опытнейшие мастера старшего поколения: И. В. Маркичев, И. П. Вакуров, А. В. Котухин, Н. М. Зиновьев, Н. М. Парилов, И. И. Зубков и другие передают свои знания и огромный опыт молодежи. Как это не похоже на «ученичество» Горького в иконописной мастерской!..

13 марта 1935 г., в день празднования десятилетнего юбилея, палешане прежде всего обращаются с письмом к Горькому, говоря о том колоссальном значении, которое он для них имел:

«Дорогой Алексей Максимович! Шлем тебе — лучшему другу палешан — горячий привет. Сегодня мы отмечаем десятилетие возрождения советского Палеха — юбилей артели древней живописи. Юбилей этот, являющийся настоящим народным праздником, стал возможным прежде всего благодаря твоей личной поддержке, благодаря твоим неустанным заботам о росте нашей артели, о культурном росте каждого члена нашего содружества.

Твои произведения служили и служат неиссякаемым источником нашего творчества. Самое лучшее наше воспоминание связано с теми моментами, когда мы пытались своими приемами в красках передать волнующие

¹ Д. Буторин, От робких мазков до смелых полотниц. «Рабочий край», 1940, № 217.

образы Буревестника, Сокола, Смелого Данко, старухи Изергиль.

Очень жалею, что нездоровье помешало тебе приехать к нам, чтобы вместе разделить общую радость. Мы не теряем надежды, что летом ты, Алексей Максимович, приедешь в наше село. У нас есть очень многое, что показать, что рассказать о своей работе и советском Палехе». ¹

**

5 июня 1935 г. состоялась третья и последняя встреча палешан с Горьким.

Три крупнейших художника Палеха — И. Маркичев, А. Котухин и И. Вакуров возвращались из творческой поездки в Армению и заехали на дачу Горького в Горках. Поездка эта была организована по совету и содействию самого Горького с целью обогатить тематику и искусство Палеха сокровищами братских республик. В Эчмиадзине палешане познакомились с древнеармянской художественной миниатюрой, сделали много зарисовок и теперь, встретившись с Горьким, по его просьбе показывали свои рисунки и рассказывали о своих впечатлениях от Армении и о своих творческих замыслах.

Во время этой встречи присутствовали известный французский писатель Ромэн Роллан и его жена, с которыми Горький познакомил палешан. Ромэн Роллану художники вручили издание «Слова о полку Игореве» в оформлении Голикова и шкатулку И. Вакурова «Лесная сказка», о которой Ромэн Роллан дал восторженный отзыв. Горький, Ромэн Роллан и палешане сфотографировались вместе на память о встрече.

Перед отъездом Горький показал палешанам свой кабинет. На его рабочем столе они увидели переливающую яркими красками палехскую расписную коробочку.

Палехский художник И. Колесов, также бывший участником последней встречи с Горьким, передает содержание беседы следующим образом:

«Великий писатель в беседе с нами как бы подводил итоги работе палешан за время революции.

Помню слова:

« — Меня особенно поражает и радует в ваших работах жизнерадостность, яркость красок, умелое компо-

¹ «Рабочий край», 1935, № 61.

зиционное построение сюжета и добросовестная, тончайшая техника отделки вещей».

Говоря о тематике произведений, Алексей Максимович выразил уверенность, что мастера, обладающие такой высокой техникой, сумеют создать произведения, отвечающие запросам социалистической эпохи.

Особое внимание рекомендовал Горький уделить антирелигиозной тематике». ¹

Последний совет Горького особенно примечателен. Писатель считал, что палехские мастера, когда-то в творческом отношении поработанные церковью, должны быть особенно сильно заинтересованы в борьбе с религиозными предрассудками.

А. Котухин вспоминает также, что при последней встрече «Алексей Максимович пожелал нам, палешанам, еще больших успехов в освоении новой советской миниатюры и применения живописи Палеха в других отраслях прикладного искусства и промышленности». ²

**

Смерть Горького была большим горем для художников Палеха.

Находившийся там в это время писатель Д. Семеновский рассказывает:

«Печальная весть облетела село. Художники ждали газет, чтобы узнать подробности несчастья,— смерть Горького ощущалась в Палехе именно как несчастье, как неожиданно свалившаяся беда». ³

На траурном митинге художники вспоминали о своих встречах с Горьким. В «Правде» и местной газете «Трибуна Палеха» они напечатали прочувствованные некрологи, в которых, вместе с выражением скорби, обещали из поколения в поколение «передать его мысль, голос и славу, и радость от него, от живого, доброго друга — Горького» ⁴ и «с любовью переводить на язык линий и красок» его художественные произведения. «В лице Алексея Максимовича Палех понес тяжелую невозврат-

¹ И. Колесов, Последняя встреча. «Литературная газета», 1937, № 33.

² А. Котухин, Мой путь. «Рабочий край», 1940, № 217.

³ Дм. Семеновский, Горький и Палех. «Пламя», 1937, № 6, стр. 26.

⁴ «Правда», 1936, № 168.

ную утрату друга, учителя и вдохновителя», — писали палешане.¹

В Палехе свято чтут память Горького, своего мудрого наставника и товарища, стремясь добиться еще большего расцвета своего искусства.

Все растет и растет палехская горьковиана. Идущие на смену старшим второе и третье поколения палешан постоянно обращаются к творчеству Горького, как к замечательному источнику вдохновения, передавая в живописи его образы, чаяния, мысли. С годами расширяется круг горьковских произведений, над которыми работают палешане («Макар Чудра», «Легенда о Марко», «Зазубрина», «Мальва», «В людях» и др.).

Следуя совету Горького, палехские художники находят все новое и новое применение своему древнему и в то же время необыкновенно свежему искусству, успешно работая не только в области миниатюры, оформления книг и т. п., но и применяя свое искусство в реставрации архитектурных памятников, в создании театральных декораций и т. д. Художник Н. М. Париллов удостоен почетного звания лауреата Сталинской премии за оформление спектакля «Золотой петушок», поставленного в 1946 г. в Саратовском театре оперы и балета. Это говорит о значительных достижениях палехского искусства за годы, прошедшие со дня смерти Горького.

В своем творчестве художники Палеха стремятся идти по пути, который наметила большевистская партия для развития всего советского искусства. На языке своих изумительных красок они передают поэзию нашей советской действительности, работают, по определению тов. В. М. Молотова, «для того, чтобы своим трудом и искусством служить трудящимся советской страны в их строительстве новой жизни».²

Перед художниками Палеха стоит важнейшая задача — глубже овладеть методом социалистического реализма, разработанным Горьким.

¹ «Трибуна Палеха», 1936, № 70.

² Из письма В. М. Молотова заслуженному деятелю искусств И. П. Вакурову.

III. ГОРЬКИЙ — ТРУДЯЩИМСЯ НАШЕГО КРАЯ

А. М. Горький никогда не замыкался только в рамки литературы и искусства. Он был писателем-революционером и выдающимся общественным деятелем. В. И. Ленин постоянно подчеркивал крепкую связь Горького «с рабочим движением России и всего мира».¹

Эта связь выражалась и в его художественном творчестве, и в непосредственном его участии в революционном рабочем движении. На почве революционной деятельности может быть установлен и ряд его знакомств с ивановцами.

Еще в 1902 г. Горький оказал большую материальную помощь большевику М. А. Багаеву, одному из организаторов и активных деятелей Северного Рабочего Союза, сосланному в Сибирь. Багаев вел революционную работу непосредственно в Иваново-Вознесенском районе. В 1905 г. он продолжительное время встречался с Горьким в Москве. В своих «Воспоминаниях о Максиме Горьком» он рассказывает, что, несмотря на сильное обострение болезни, Горький проявлял исключительный интерес к общественным событиям, которые в то время в Москве разворачивались особенно бурно: «Заставлял меня чуть ли не два раза в день приходить к нему и сообщать, что делается на улице... Последний раз я видел Горького при своем отъезде в Иваново-Вознесенск, числа 23 октября 1905 г.»²

В 1905 г. встречался с Горьким в Москве ивановец И. И. Власов, впоследствии известный краевед, а в то время студент университета. Власов редактировал сатирический журнал «Жало». В единственном номере этого

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, том XVI, стр. 89.

² «Рабочий край», 1929, № 74. О встречах М. А. Багаева с Горьким см. также в его книге воспоминаний «Моя жизнь», Ивановское обл. гос. изд-во, 1949, стр. 143—144, 227—230, 236—237, 241.

журнала была помещена сценка Горького «С природы», направленная против лично царя Николая II и самой идеи самодержавия. Власов вспоминал, что, согласно желанию Горького, она была помещена без его подписи, а только с инициалом «Г».¹

По свидетельству В. А. Десницкого в дни Лондонского съезда партии в 1907 г. «рабочие, делегаты с Урала, из Иваново-Вознесенского района, с Кавказа, из Питера и Москвы, с юга России и из Сибири, давали Горькому, как художнику, богатейший материал для наблюдений. Во время перерывов, во время холодных завтраков и обедов, в помещении съезда он завязал знакомства, превратившиеся потом в дружеские отношения».²

Иваново-вознесенские пролетарии, как и рабочие всей России, считали Горького своим любимым художником и вдохновлялись его творчеством для борьбы против капитализма. Наиболее передовые из них очень рано познакомились с произведениями своего пролетарского писателя. М. Багаев говорит:

«Томики Горького стали настольной книгой каждого читающего рабочего. Горький сделался «нашим писателем». С «Песней о Буревестнике» мы почувствовали в Максиме Горьком не только писателя, но и революционера. Эту песню мы, рабочие-революционеры, выучили наизусть и пожелание его: «пусть сильнее грянет буря!» — осуществили в 1905 г.»³

Старый большевик-ивановец И. С. Частухин рассказывает, что после поражения революции 1905 г., когда царили упадочные настроения и репрессии, ивановские рабочие, большевики-подпольщики «черпали из произведений Максима Горького источники бодрости и радости. Бывало, усталый, кинешься на лежанку смрадной спальни Витовской фабрики. Но когда возьмешь книгу Горького..., то от усталости и следа не останется. Какой дрянью ни заполнялись тогда библиотеки, но мы всегда умели выуживать книги Горького и находили на близких

¹ И. Власов, Горький. «С природы». «Пламя», 1937, № 6, стр. 7. Здесь же воспроизведено факсимиле рукописи, принадлежавшей в то время И. Власову.

² В. Десницкий, М. Горький, Л., 1940, стр. 110.

³ «Рабочий край», 1928, № 72.

нам страницах то, что нужно было тогдашнему рабочему, полузадушенному реакцией, обессиленному от голода, изнеможенному от тяжелых условий труда».¹

**
*

Иваново — город славных революционных традиций, территориально близкий к Нижнему-Новгороду — родине писателя, не мог не находиться в поле зрения Горького.

В двух своих крупнейших произведениях — «Мать» и «Жизнь Клима Самгина» — он упоминает об Иваново-Вознесенске и оба раза как о городе, где высоко поднято знамя пролетарской освободительной борьбы.

Героиня романа «Мать» Ниловна арестовывается на пути в Иваново-Вознесенск, куда она едет с нелегальной литературой. Изображая этот эпизод, Горький опирался на хорошо известные ему факты из действительности: Анна Кирилловна Заломова, прототип Ниловны, в 1901 г. возила в Иваново прокламации, — там в это время было крупное забастовочное движение.²

«Ниловна», — писал Горький, — портрет матери Петра Заломова, осужденного в 1900-х годах за демонстрацию 1 мая в Сороме. Она работала в организации, развивала литературу, переодетая странницей, в Иваново-Вознесенском районе...»³

В «Жизни Клима Самгина», рисуя наиболее крупные революционные события лета 1905 г., Горький в уста большевика Корнева вкладывает такую фразу: «В Иваново-Вознесенске огромная забастовка, руководят наши».⁴

После Октября интерес Горького к Иванову проявлялся в теплой заботе, которой он окружил местные литературные силы, во внимании к бурному социалистическому строительству, развернувшемуся в городе и области. Ивановских литераторов он специально просил писать о Меланжевом комбинате, «Красной Талке» и других новостройках, часто печатал очерки об Иванове

¹ «Рабочий край», 1928, № 75.

² См. «Рассказ о своей жизни» А. К. Заломовой в сборнике «Семья Заломовых», Л., 1948, стр. 109 — 110.

³ В. Десницкий, М. Горький, Л., 1940, стр. 310.

⁴ М. Горький, Собр. соч., изд. 2, том XXIV, стр. 479.

и области на страницах журнала «Наши достижения». В 1928 г. Горький состоял подписчиком всех трех газет, выходивших в Иваново: «Рабочий край», «Смычка», «Юный текстильщик». Уже этот один факт необычайно ярко показывает, насколько прочно и близко был связан Горький с родной страной, находясь за границей. При чем он «все читал и все помнит», — такое впечатление вынес корреспондент «Рабочего края», беседовавший с ним в Москве 12 октября 1928 г.¹

Запись этой беседы, опубликованная в свое время в газете «Рабочий край», свидетельствует о том, что Горький внимательно следил за жизнью Иванова и области. Например, он был знаком с обсуждением в «Рабочем крае» вопроса о том, как показывать наши достижения. Обсуждение это, проведенное на страницах газеты в августе 1928 г., несомненно, было вызвано статьей Горького «О наших достижениях», которая была напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 1 июля 1928 г.

На вопрос, волновавший в то время ивановских журналистов и литераторов, надо ли показывать работу отдельных строителей социализма, или ограничиться показом работы целых коллективов, Горький дал сотруднику «Рабочего края» следующий ответ:

«Личность, — сказал он, — воспитывается коллективом и через коллектив выдвигается. Она все время подвергается воздействию коллектива. Коллектив воспитал и продолжает воспитывать личность. Но ограничиться показом работы коллектива, оттесняя отдельных людей на задний план, — нельзя. Творческая работа масс является через воспитанную ими личность. В СССР множество талантливых, творчески деятельных людей. Показывать их во весь рост, отмечать их работу — первейшая задача советской печати. Можно и должно выпячивать работу отдельного человека, как бы скромна эта работа ни была, если эта работа делается хорошо».²

В заключение своей беседы, охватывавшей целый ряд вопросов (о журнале «Наши достижения», о необходимости борьбы с мещанством, о впечатлениях Горького

¹ «Рабочий край», 1928, № 239.

² Там же.

от поездки по Советскому Союзу и т. д.), Горький, по словам корреспондента газеты, «осведомился о работе ивановца-поэта т. Семеновского и просил передать привет иваново-вознесенским рабочим и сотрудникам «Рабочего края».¹

Во время беседы, между прочим, шла речь и о возможном посещении Горьким Иванова.

Возвратившись 28 мая 1928 г. в СССР, Горький задумал совершить поездку по родной стране. 1 июля в «Рабочем крае» печатается сообщение из Москвы о том, что Горький «хочет быть всюду и обязательно — в Иваново-Вознесенске». В связи с этим «Рабочий край» от имени редакции и иваново-вознесенской ассоциации пролетарских писателей посылает следующую телеграмму:

«Москва — «Правда» — Горькому. Алексей Максимович! Бесконечно рады приветствовать ваш приезд в СССР. Иваново-вознесенские рабочие будут рады видеть своего любимого писателя в Иваново-Вознесенске. Не теряем надежды на ваш приезд».²

Замысел Горького побывать в знаменитом городе текстильщиков не осуществился, однако мысль о поездке в Иваново он не оставлял. Рассказав корреспонденту «Рабочего края» о причинах, помешавших ему побывать в 1928 г. в Иваново, Горький, по его словам, дал обещание непременно приехать в Иваново в 1929 г.³

Горький знал, что там его с любовью ждут тысячи рабочих-читателей. В 1931 г., когда антисоветская пресса за рубежом, используя грязную ложь и клевету, подняла кампанию травли Горького, трудящиеся Иванова мощным голосом заявили миру о своей солидарности с великим писателем⁴ и избрали его членом ивановского горсовета.⁵ Они обратились к нему также со специальным письмом, в котором рассказали о своих трудовых победах на фронте социалистического строительства,

¹ «Рабочий край», 1928, № 239.

² Там же, № 124.

³ Там же, № 239.

⁴ См. письма-приветствия Горькому рабочих Большой Ивановской мануфактуры им. Молотова («Известия», 1931, № 88), студентов и преподавателей энергоинститута и энергоучкомбината (там же), материалы в «Рабочем крае» за 1931 г., №№ 83, 85, 87.

⁵ См. письмо «Нашему депутату в Ивгорсовет». «Рабочий край», 1931, № 87.

об экономическом и культурном переустройстве Иванова и приглашали посмотреть, как «революция сделала наш город из рабочего поселка центром области...»¹

**

Как близкому и дорогому другу пишут Горькому о своей жизни и работе, делятся планами на будущее люди самых различных профессий и положений обширной в то время Ивановской области. И для всех Горький умеет найти время и нужные слова, чтобы побеседовать душевно и серьезно, — для вязниковских школьников и владимирских рабкоров, для рабочих-печатников Костромы и колхозников села Губцева Гусевского района.

В 1927 г. пятиклассники школы «Памяти 9 января» г. Вязники написали Горькому о своем городе, об учебе, о внешкольной работе и в конце письма попросили: «Напишите, пожалуйста, в наш журнал «Школьный луч» рассказ или какой-нибудь стишок. Потом нам хотелось бы знать, как живут в Италии ученики 2-й ступени 5 группы. Для школьного альбома пришлите на память снимок той местности, в которой вы живете в настоящее время, и вашу фотографическую карточку...» Горький ответил школьникам и вслед за письмом «прислал большую фотографическую карточку, два хороших альбома Сорренто и Неаполя, а на открытке с фотографией дома, в котором жил..., отметил карандашом окна своей комнаты».²

¹ «Рабочий край», 1931, № 123.

Как же указывалось, Горький неоднократно высказывал желание съездить в Иваново и Палех, но поездки эти не осуществились. В связи с этим встает вопрос: бывал ли Горький в Иваново и Ивановской области вообще?

По этому вопросу каких-либо достоверных материалов не имеется. Есть сведения устного порядка о кратковременном пребывании Горького в Плесе на даче у Ф. И. Шаляпина. Существует также версия о посещении Горьким Иванова в годы его молодости. Версия эта идет от местного старожила Михаила Ивановича Бусыгина, который не раз говаривал о том, что Горький, с которым он будто бы познакомился во время своих странствий где-то на юге, однажды приехал в Иваново и несколько дней жил у него на квартире, на Арсеньевской улице (см. подробнее об этом в ст. Дм. Семеновского «Друг молодых писателей». «Рабочий край», 1946, № 120).

Насколько достоверен рассказ М. И. Бусыгина, судить трудно.

² А. Винтилов, Письмо А. М. Горького вязниковским школьникам. «Рабочий край», 1938, № 71.

В письме вязниковским школьникам Горький сообщает: «Школ, таких, как ваша, в Италии нет, и учат здесь в школах совсем не тому, чему учат у нас в России, а тому, чему у нас учили до революции. Это вам объяснят преподаватели, а я могу вам рассказать, что по общему мнению учителей Германии, Франции, Чехословакии, русские мальчики самые даровитые и лучшие ученики. Некоторых я знаю, например, Илью Вольнова, сына писателя. Он считается в школе Неаполя первым учеником и его переводят из класса в класс без экзаменов в пример прочим. Удивительно хороший и талантливый мальчик. Здесь вообще большой интерес к России. Книги наших писателей переводятся и читаются так, как никогда еще этого не было».¹

Владимирская газета «Призыв» в 1928 г. послала Горькому большое количество различных газет-многотиражек и попросила его высказать свое мнение об опыте работы рабкоров. Горький ответил обстоятельным анализом присланных фабрично-заводских газет. В широком и быстром росте этих газет он увидел большое явление новой жизни и оценил его как «одно из очень крупных достижений рабочего класса на пути к новой культуре», как «признак роста «свободы слова», из «нутра», из сердца рабочего класса. Обращаясь к рабкорам, Горький напоминает им: «Журналистика и литература художественная — дело великой важности. Рабочий класс должен овладеть всею техникой этого дела, оно — его боевое оружие, необходимое для самозащиты и для нападения».²

Печатники Костромы в 1931 г. обратились к Горькому с просьбой дать согласие назвать их типографию его именем. В своем письме они выразили пожелание великому писателю-революционеру быть мужественным до конца в борьбе с врагами своего народа.

Благодаря их за дружеские чувства, выраженные в этом письме, Горький пишет рабочим типографии «Красный печатник»: «Каждый раз получая письма, подобные вашему, чувствуешь точно ожог энергии, которая притекает из Союза Советов, где эта энергия творит чудеса, создавая новую жизнь, новых людей».³

¹ «Рабочий край», 1936, № 140.

² «Известия», 1928, № 234.

³ «Рабочий край», 1931, № 83.

Далее Горький с удовлетворением отмечает, что слова: Ленин, Сталин, Советы, одинаково звучащие на всех языках мира, становятся все значительнее в глазах трудящихся зарубежных стран.

Большой интерес представляет письмо Горького 1933 г. колхозникам села Губцева, Гусевского района. Это — своего рода развернутая публицистическая статья, написанная горячо и страстно.

Организовав артель имени Максима Горького, губцевские колхозники решили поведать писателю о своих первых успехах, о борьбе с кулаками, новых культурных запросах деревни и т. д.¹ «Мы, активисты-колхозники, — говорится в их письме Горькому, — заверяем тебя, Алексей Максимович, что наш колхоз с честью будет носить твое имя, и как ты своими произведениями, которые многие из нас читают с удовольствием, борешься за социализм и переделку человека-раба в свободного строителя новой, лучшей культурной жизни, — так и мы практически будем помогать бороться за это здесь, в колхозе им. Максима Горького».²

«Когда я получаю такие, как ваше, письма колхозников, — ответил Горький колхозникам села Губцева, — я испытываю глубокую радость. Ведь нельзя не радоваться, видя и чувствуя, как перерождается мелкий собственник крестьянин, становясь настоящим общественником, сознательным советским гражданином, бойцом за всемирную правду Ленина и партии верных его учеников».³

Письмо губцевских колхозников вызвало у Горького много личных воспоминаний о старой, дореволюционной деревне, взятой в кабалу мироедами-кулаками и помещиками. В своем письме он говорит также о том, как в современных капиталистических государствах «быстро развивается процесс обнищания трудовых масс, идет разорение крестьянства» и как, в противоположность этому, «у нас, в Союзе Советов, в стране, где хозяйствует сам трудовой народ в лице его наиболее разумных

¹ Об истории этого письма см. в статье В. Курбатова «Письмо гусевским колхозникам». «Пламя», 1937, № 6, стр. 20 — 21.

² «Великие дела совершаются в нашей стране». Письмо колхозников села Губцева и ответ М. Горького. Партиздат, Ивановское обл. отделение, 1933, стр. 8.

³ «Рабочий край», 1933, № 204.

представителей..., идет процесс обогащения трудового народа».

«Путь, — пишет Горький, — указанный крестьянской бедноте и рабочим учением величайшего революционера Владимира Ильича Ленина — единственный путь, который ведет и приведет трудовой народ всего мира к освобождению от железной паутины капитализма, к равенству всех людей в труде и в правах. Наша революция практически доказала правильность этого пути».

«Великие дела совершаются в нашей стране людьми, которые искренно и твердо идут по пути, указанному Лениным, равняются по генеральной линии Центрального Комитета партии большевиков!» — восклицает Горький.

Приветствуя первые шаги крестьянства в колхозной жизни, Горький прозорливо смотрит вдаль и рисует перед ним величественную картину будущего, которое на наших глазах уже стало или становится явью: «... Через несколько лет все крестьянство Союза Советов, перейдя на колхозное, большевистское хозяйство, начнет повсеместно строить города с общественными столовыми, хлебопекарнями, прачечными. Этим женщины освободятся от каторжной домашней работы, которая бесполезно и преждевременно пожирает их силы, их здоровье, а непрерывный рост количества сельскохозяйственных орудий сократит и облегчит тяжелый труд мужчин. Построят различные школы высшего типа, театры, клубы, библиотеки и навсегда уничтожится различие между городом и деревней, главное же — исчезнет почва, на которой неизбежно рождаются грабители чужого труда и различные лодыри, лентяи, идиоты — «мирские захребетники» и паразиты трудового народа».

Горький гордится советским народом, славит его, восхищается его непрерывным трудовым героизмом. Он вспоминает, как рабочие Гуся-Хрустального («вероятно близкие ваши соседи», — пишет он губцевским колхозникам) в 1919 г. пускали в работу свой завод: молодежь ушла на фронты гражданской войны, а «старика, женщины, подростки, работая как настоящие герои труда, добились своей цели — завод ожил». «Сколько у нас было фактов такого смысла, и все они говорят одно и то же: хорош у нас трудовой народ, и когда он

хочет быть настоящим советским народом-коллективистом — умеет он быть таковым».

Свое письмо колхозникам села Губцева Горький заканчивает пожеланием им «здоровья, бодрости духа, непоколебимой крепкой веры в скорую победу великого дела — строительства нового социалистического общества». «Живите дружно!» — сердечно напутствует их великий писатель.¹

Следует заметить, что почти все перечисленные выше письма Горького, адресованные в наш край, в свое время были опубликованы на страницах областной печати (главным образом в газете «Рабочий край»), и его пламенные слова страстного пропагандиста большевистских идей, несомненно, дошли до широких кругов трудящихся Ивановской области.

В своих письмах Горький выступает глубоко партийным писателем и публицистом, преисполненным чувства патриотической гордости за советский общественный строй, за его превосходство над буржуазным миром. Он воспитывает горячую любовь к советскому правительству, к большевистской партии и ее великим вождям — Ленину и Сталину. Он активно поддерживает все передовое, подлинно новаторское в нашей жизни, будь то движение рабселькоров, коллективизация деревни или самозабвенный ударный труд на производстве.

**
*

«Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой энергичный участник всего того, что творится в стране», — сказал Горький в 1935 г. на пленуме правления Союза советских писателей.²

Этим требованиям, предъявляемым к советскому писателю, в высшей степени отвечал прежде всего сам Горький. Он был «живым, энергичным участником всего того, что творится в стране», новым типом писателя, активно вторгающегося в жизнь. Этот вывод подтверждают даже те сравнительно немногочисленные факты и материалы, которые мы привели выше, рассматривая взаимоотношения Горького с ивановцами.

¹ «Рабочий край», 1933, № 204.

² М. Горький, Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 668.

Грандиозный труд Горького-писателя, мыслителя и общественного деятеля-революционера совершался, по словам И. В. Сталина, «на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса».¹

Трудящиеся Ивановской области, как и весь советский народ, навеки сохранят в своем сердце дорогой и близкий облик Горького — пламенного борца за идеалы коммунизма.

¹ «Правда», 1932, № 266.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
I. Литературные связи Горького с ивановцами	6
II. Горький и художники Палеха	36
III. Горький — трудящиеся нашего края	60

Редактор Д. Г. Прокофьев.
Художник И. Т. Колочков.

Подписано к печати 15/V 1950 г. КЕ—01371. Печ. л. 4½.
Уч.-изд. л. 3,7. В печ. л. 33712 тип. зн. Тираж 8000 экз.
Цена 1 рубль 80 коп.

Ивановская типография областного издательства при облисполкоме,
Типографская, 4. Заказ № 3049.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or introductory paragraph.

Section header or title, faintly visible in the upper middle section.

Second block of faint, illegible text, appearing as several lines of a paragraph.

Large central area of the page containing very faint, illegible text, possibly a main body of a letter or report.

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly a signature block or footer.

1 руб. 80 коп.

